

Под редакцией
А. С. Генкина,
К. Г. Фрумкина

Коронаэкономика

Хроника экономических
последствий
пандемии 2020

А. С. Генкина

**Коронаэкономика.
Хроника экономических
последствий пандемии 2020**

«Издательские решения»

Генкина А. С.

Коронаэкономика. Хроника экономических последствий пандемии 2020 / А. С. Генкина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-513981-8

Сборник материалов об экономических и социальных последствиях, которые породила и продолжает порождать пандемия COVID-19, о том, как она повлияла на рынки, на отдельные отрасли экономики и бизнеса, на поведение и мышление людей. Книга составлена из текстов, ранее опубликованных в деловом издании «Инвест-Форсайт». Среди вошедших в книгу публикаций – много авторских материалов представителей бизнеса, руководителей компаний, экономистов и других экспертов. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-513981-8

© Генкина А. С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Пандемия и глобальные тренды развития	7
Коронаэкономика: Мир станет другим, но выживет	7
Коронавирус изменит мировую экономику навсегда	10
Постглобальная экономика на фоне коронавируса	12
Кондратьевские волны, кризис и коронавирус	17
Макроэкономические последствия пандемии	21
На пороге другой реальности	21
Прогнозы ущерба для мировой экономики от коронавируса	25
Мир ждут массовые банкротства и рецессия экономики	27
За кулисами эпидемии	28
Эпидемия как маскировка кризиса	29
Коронавирус и цены на мировых рынках	32
Константин Бабкин: «Из кризиса будем выходить тяжело»	34
«Ужо тебе»: бизнес Санкт-Петербурга и пандемия	37
COVID-19: как интернет, только намного опаснее	40
Работодатели избавились от розовых очков	41
Государственная политика на фоне пандемии	43
Удастся ли залить кризис деньгами?	43
Анатолий Аксаков: Государство подставит банкам плечо	46
Как регионы тормозят свою экономику	48
Алексей Ведев: Населению и бизнесу надо компенсировать 80% зарплат	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Коронаэкономика Хроника экономических последствий пандемии 2020

Под редакцией А. С. Генкина, К. Г. Фрумкина

Под редакцией А. С. Генкина, К. Г. Фрумкина

Корректор А. Куркатова

Иллюстратор Ю. Аратовский

ISBN 978-5-0051-3981-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Можно с уверенностью сказать, что пандемия COVID-19 стала совершенно беспрецедентным событием, которое не переживал ни один из ныне живущих обитателей планеты Земля. Развитые страны вообще давно не переживали сильных эпидемий, но это была первая эпидемия, которая не просто получила всемирный размах (эпидемия испанки тоже была всемирной), но еще и породила столь мощные и почти синхронные реакции правительств в таком количестве стран мира и при этом непосредственно повлияла на образ жизни сотен миллионов людей – во всем мире и практически мгновенно.

Миллионы людей в разных странах планеты оказались ограничены в своих передвижениях, при этом тем, кто хотел от этого сбежать, было буквально некуда уехать от этого бедствия: границы были перекрыты, такие же ограничительные меры были и в других странах мира.

Пандемия оказала огромное влияние на структуру мировой экономики, резко ограничив перевозки, закрыв границы, на целые месяцы уничтожив в крупных городах торговлю и общественное питание – при этом придав дополнительный импульс развитию всему, что происходит в Интернете, от электронной коммерции до научных онлайн-семинаров.

Последствия этого реструктурирования бизнеса и образа жизни в глобальном масштабе еще предстоит оценить.

В начале 2020 года деловым изданием «Инвест-Форсайт» была учреждена рубрика «Коронаэкономика» (<https://www.if24.ru/tag/koronavirus/>), в которой помещались как новости о ходе пандемии, так и аналитические материалы о ее последствиях – прежде всего в связи с влиянием пандемии на экономику и бизнес. В настоящем сборнике мы предлагаем читателю познакомиться с важнейшими материалами этой рубрики. Собранные вместе, они дают возможность, с одной стороны, увидеть комплексную систему изменений, вызванных эпидемией, а с другой стороны, припомнить, какие «движения мысли», мнения и прогнозы появились по мере развития связанных с короновирусной вспышкой событий.

Материалы рубрики «Коронаэкономика» вызывали неизменный интерес читателей «Инвест-Форсайта» и мы надеемся, что эта книга также вызовет интерес читателей.

Мы также думаем, что собранные здесь статьи представляют собой бесценный материал для будущих историков (в том числе историков экономики), которым еще предстоит написать о пандемии – «как это было».

В заключение хотим обратить внимание читателей, что пандемия развивалась очень быстро, опровергая многие гипотезы и предположения и чуть ли не ежедневно преподнося сюрпризы. Именно поэтому многие статьи, вошедшие в данный сборник, в конце концов оказались устаревшими, поскольку не учитывали последующих событий, многие высказанные нашими авторами прогнозы сбылись не в точности – как это часто бывает с прогнозами. Именно поэтому мы посчитали нужным указывать дату публикации каждого текста – для того, чтобы читателю было ясно, какой фазе развития пандемии соответствует данное мнение.

А. С. Генкин, учредитель делового издания «Инвест-Форсайт»

Пандемия и глобальные тренды развития

Коронаэкономика: Мир станет другим, но выживет Март 16, 2020

Мы в новой реальности. Не сказать, чтобы она была очень уютной.

Население Земли – около 7,8 млрд человек. Если, предположительно, оно все станет жертвой пандемии со смертностью 3% – погибнет более 230 млн человек. Это почти в 20 раз больше, чем умерло землян с начала года. Это примерно 5-я страна в мире по количеству населения. Это все население Франции, Испании, Италии и Великобритании, вместе взятых.

Инфицировано было пока, к счастью, всего 0,0015% населения – это считая умерших и выздоровевших или «выздоровевших». Такая статистика несколько утешает. Как ни складывай большие цифры, выжившие будут в абсолютном большинстве. Но вот чтобы погребальный налог с человечества взят был с сотен тысяч человек, а не с миллиардов, мир принимает жесткие меры. И жизнь этих самых миллиардов круто меняется на глазах.

В этом году несколько миллиардов землян проведут по одному, а некоторые по несколько, двухнедельных сроков в положении хикикомори – добровольных или полудобровольных карантинных затворников. И если в Японии, где это движение зародилось, оно поначалу трактовалось всего лишь как одна из молодежных субкультур, то сейчас в глобальном масштабе это одна из наиболее популярных и вполне рациональных стратегий поведения экономических агентов. Первые приходящие в голову экономические последствия этого.

Со стороны спроса:

- изменение паттернов потребления в виде отказа от физического контакта с продавцом (онлайн-заказ продуктов, бесконтактная курьерская доставка потребоваров);
- индивидуализация потребления прежде «групповых» товаров и услуг (онлайн-кинотеатры, киберспорт);
- ускорение замещения наличных всеми видами бесконтактных и дистанционных платежей;
- оживление спроса в специфических секторах (лекарства, медицинские изделия, анти-зомби-дома и т. д.).

Со стороны предложения:

- блокада, изоляция, автаркизация географических областей, стран и целых регионов;
- упадок, вплоть до полного коллапса, систем производства товаров и услуг, связанных с коллективным физическим присутствием работников;
- тромбирование, приостановление действия, разрушение логистических цепочек;
- разорения и банкротства в целом ряде отраслей (авиаперевозки, индустрия гостеприимства, ресторанный бизнес);
- прогнозирую беспрецедентный рост нагрузки на суды, государственные фонды медицинского страхования и страховой бизнес (что считать форс-мажором, где грань между прямыми и косвенными убытками, и кто за что платит?).

Со стороны государства:

- осязаемое снижение доходной базы бюджета;

- общественный заказ на резкую дигитализацию массовых госуслуг (онлайн-образование в Китае, заработавшее в масштабах полутора миллиардной страны в полуторамесячный срок, будоражит воображение);

- публичные заседания органов госвласти («сессии парламента») наряду с другими традиционными формами совместного коллективного присутствия (церковная служба, матч на стадионе, заводской цех, концертный зал, университетская аудитория, зал для голосования и т.д., и т.п.) оказываются эпидемиологически небезупречными, и возникает общественный заказ на некую их технологическую модификацию (где альтернатива в виде приостановления работы – как минимум сильно хуже);

- пострадавшим налогоплательщикам нужна господдержка (ее формы могут быть весьма разнообразны: так, в Южной Корее это 20 000 тестов на коронавирус в день и развернутая государством сеть драйв-ин центров тестирования по стране, в Гонконге это прямые выплаты \$9 млрд населению, беспрецедентные льготы по НДФЛ и налогу на прибыль и т.д.);

- новое рождение дирижизма в госуправлении в рамках мобилизационной экономики (ты, директор завода медпрепаратов, обязан по госзаказу обеспечить миллион доз вакцины к сентябрю, ты, хозяин ритейловой сети, не смей задира́ть цены на медицинские маски выше предписанных на этот месяц, вы, руководство авиакомпании, с завтрашнего дня вот в эти страны не летаете, и т.д.).

Со стороны рынка труда:

- похоже, «Юрьев день» закончился надолго, трудовые мигранты (а, скажем, в одном только Китае их внутри страны было более 220 миллионов человек!) «закреплены» за местами своего временного пребывания;

- структурная перестройка: привычный к дистанционке фрилансер не заметит перемены на своем виртуальном рабочем месте, тогда как продавец без привычного прилавка или рабочий без станка окажутся более уязвимы экономически, если медицинский локаут продлится.

Со стороны прав человека: не до жиру, быть бы живу. Тотальная идентификация личности как благо и спасение. Отслеживание ее траектории перемещения и контактов ради наших же детей и стариков. Временное ограничение ее свободы передвижения в изоляторах временного содержания... Приостановка свободы собраний... Борьба с паникерами и фейковыми информстрашилками... Я, правда, не уверен, что каждый из этих шагов, взятых поодиночке, не полезен и даже не необходим. Но я вижу и яму, куда свалится общество в результате уверенной и логичной траектории этих шагов! Это не специфически российская проблематика. У мира в целом нет суперспособностей и мегамудрости, чтобы оптимально решить некоторые юридико-этические проблемы, преподнесенные новой реальностью. Ограничусь тремя известными кейсами.

США принимают решение эвакуировать с круизного лайнера своих граждан, выразивших на то свое согласие. Все эвакуируемые – условно чистые. Поскольку всех пассажиров с подтвержденным диагнозом уже увезли на берег, в японский госпиталь. В момент, когда вся группа уже в аэропорту и должна заводиться в автобус и отвозиться непосредственно к самолету, приходят свежие анализы. В составе группы – 14 человек с диагнозом. Что дальше? Дальше, насколько знаю по американским СМИ, два часа в закрытом автобусе сидит вся группа, в Вашингтоне идет жаркая рубка, карантинное ведомство, не в силах переубедить чиновников, снимает свою подпись под общим коммюнике, чиновники настаивают: ввозим в страну всех. Не извещая остальных пассажиров, за пластиковой перегородкой в самолете перевозят и 14 бедолаг. На родине у двоих еще и диагноз не подтвердился.

В крупном американском мегаполисе местные врачи (наверно, это неважно, но обратил внимание на типично китайскую фамилию одного из них) еще в начале февраля просят началь-

ство (у нас это был бы городской департамент здравоохранения): позвольте нам перепроверить анализы больных гриппом за последний месяц на коронавирус. Запрос вылеживается. Врачи их инициативно начинают перепроверять и находят множество случаев «мискодинга»: ошибочно был диагностирован грипп вместо коронавируса. Это сильно меняет картину и, по идее, должно повлиять на формирование системы мероприятий в масштабах всего многомиллионного города. Но как раз в это время приходит ответ из департамента врачам. Смысл ответа: не смейте перепроверять, а если начали – прекратите. Пациенты не давали согласия на этот вид тестирования (подтекст – их адвокаты затаскают депздрав по судам).

В Южной Корее мобильное приложение сообщает о новых выявленных кейсах заражения с кратким описанием территориальных признаков и перемещений пациента. Их персональные данные не сообщаются, но публичные чаты, возникающие после каждого такого случая, пестрят желающими получить фото или точный адрес лица. Стал публичным случай одной женщины, фамилию которой обнародовал лично мэр ее городка. Она через «Фейсбук» попросила не распространять эту информацию.

«Какбычегоневышлисты» – это ведь наш, советский поэт Евгений Евтушенко такое слово придумал? И дурно понимаю «честь мундира» иностранные чиновники (во втором кейсе) порой не менее рьяно готовы защищать... Если б не ценой человеческих жизней... Причем как в морально-этическом, так и в сугубо экономическом аспекте проблемы. Так ведь и толпа из третьего кейса, орущая «распни его», не имеет географической и временной привязки.

Мы, слава Богу, пока что все с Вами живы, уважаемый читатель. Давайте научимся и в новой реальности вести себя адекватно, не теряя человеческий облик и трезвый ум. Этика и экономика созидания, а не разрушения – прежде всего.

Мы продолжим следить за событиями. Берегите себя!

Артем Генкин, профессор,

доктор экономических наук, президент АНО «Центр защиты вкладчиков и инвесторов», учредитель СМИ «Инвест-Форсайт»

Коронавирус изменит мировую экономику навсегда

Март 1, 2020

Коронавирус задает нам вопросы, но не дает ответов. Недостаток информации, несоответствие одних фактов другим порождают конспирологические теории происхождения этого вируса. Я не являюсь сторонником конспирологии и предпочитаю рассуждать в рамках известных фактов, существующей объективной реальности и наиболее вероятных последствий для мировой экономики и общества.

Да, остается множество вопросов и сомнений. Мы не знаем, почему на десятки тысяч случаев заражения вирусом в Китае приходится сотни случаев на весь остальной мир. Скорее всего, мы не знаем реальных цифр заражения вирусом и в самом Китае, потому что целые провинции с десятками миллионов живущих там людей изолированы от всего мира. Мы пока не знаем, обладает ли вирус расовой или национальной избирательностью. И мы не знаем, когда эпидемию удастся победить. Но мы все хотим этого и как можно скорее!

Возвращаясь к экономическим последствиям, нужно отметить, что коронавирус уже стал триггером ускорения антиглобализационных процессов, идущих в мировой экономике. Мы не будем давать оценку, плохо это или хорошо: давайте посмотрим на объективную динамику. Что происходит сейчас, к чему это ведет и как отразится на России.

Десятки лет мировая экономика развивалась по пути глобализации. Стирались границы и таможенные барьеры, развивались транснациональные компании, во все уголки мира из США и Европы экспортировались единые культурные ценности. Пик процессов глобализации наступил вместе с распространением интернета и ростом популярности социальных сетей. Вместе с тем менялась роль стран в мире. И если западный мир взял на себя интеллектуально-культурную роль, то Азии было отведено место общемировой фабрики, где ключевую позицию занял Китай.

Но за последние двадцать лет отношение Китая к своей роли изменилось. Страна с богатым культурным наследием сейчас уже не только общемировая фабрика, но и интеллектуальный центр. Китай ведет избирательную политику по допуску западных компаний на свой рынок. Например, полностью запретил доступ западным интернет-компаниям и социальным сетям, развивая свои. И это не вписывается в глобализационную стратегию западного мира.

Придя к власти, Дональд Трамп (президент США) провозгласил Китай чуть ли не основным врагом американского капитализма. Он обвинил китайские компании в воровстве высоких технологий, поставил диагноз китаезависимости американской экономике и провозгласил путь на восстановление американской промышленности и производства. Сложно представить, как США сможет это сделать: возвращение вредных производств, отсутствие необходимых кадров, высокая стоимость труда. Но вектор антиглобализации задан. Аналогичные процессы происходят в Европе. Brexit – Великобритания вышла из Евросоюза. Изоляция России за счет санкционного процесса. Маховик глобализации начал раскручиваться в обратную сторону.

И вот коронавирус – остановка общемировой фабрики, закрытие границ. Сколько продержится мир без айфонов и одежды из Китая? Apple уже заявил о проблемах. Но Apple – не единственная компания, заявившая об этом: остановлены и многие другие производства, нарушены поставки готовой техники и комплектующих. Да, мы все надеемся, что это временное явление. Но согласитесь, это очень тревожный знак. И сильный довод в поддержку антиглобализационных процессов.

Коронавирус будет побежден. Но до него были птичий и свиной грипп, и никто не знает, что ждет еще. Готов ли мир жить под страхом очередной остановки общемировой фабрики (Китая)? Или выберет путь диверсификации производства? Мне кажется, последний вариант наиболее вероятен и лучше всего укладывается в обозначенный в последнее время общеми-

ровой тренд. По сути, мир пойдет путем локализации производства на национальных территориях, хотя сделать это будет очень непросто. Мир ждет новая экономика. А все новое, как известно, хорошо забытое старое.

Для России текущая реальность превращает лозунг по импортозамещению в насущную необходимость. Россия уже сталкивалась с этой проблемой в своем недавнем прошлом (при развале СССР). И данный опыт позволит пройти эти процессы более эффективно.

Совсем свежий пример. Сбербанк буквально только что сообщил о выпуске новой телеприставки – уместающегося на ладони высокотехнологичного многофункционального гаджета с искусственным интеллектом, со встроенным в пульт управления микрофоном. Однако вместе с новостью о выведении нового продукта на рынок было сообщено, что производство налажено в Китае, и ожидаются проблемы с поставками из-за коронавируса. Часть приставок уже поставлена, часть заблокирована на складах в Китае, а само производство остановлено и неизвестно, когда возобновится.

Возникает вопрос, почему производство данного устройства не налажено в России? Почему когда предприятиям ВПК/ОПК поставлена задача нарастить производство гражданской продукции до 20%, а в перспективе – до 50%, Сбербанк размещает производство в Китае? На данном примере импортозамещение не сработало.

Иными словами, ситуация в Китае, возникшая в связи с коронавирусом, – это еще один «флажок» российской экономике: необходимо развивать импортозамещение, развивать собственное производство.

Антиглобализация экономики – общемировой тренд. И коронавирус стал триггером ускорения этой тенденции.

Эдуард Ланчев, независимый эксперт

Постглобальная экономика на фоне коронавируса Март 25, 2020

Было бы ошибкой сводить все происходящее в глобальной экономике только к влиянию факторов последнего времени, в частности – пандемии коронавируса и попыток обозначить новые параметры игры на глобальном валютном и энергетическом рынке. Равно как ошибкой будет недооценивать это влияние, в особенности в том, что касается среднесрочных последствий пандемии и мер, спланированно или инстинктивно принимавшихся для противодействия ей.

Последнее особенно важно, ибо ситуация форс-мажора позволила целому ряду стран, прежде всего США, Китаю и некоторым, но далеко не всем странам ЕС, выйти за рамки рутинного регулирования экономических и политических процессов.

Крайне показательным было задействование президентом США Дональдом Трампом Закона о военном производстве от 1950 года, существенно расширяющего полномочия федеральных властей в отношении бизнеса, прямо или косвенно задействованного в производстве товаров, связанных с безопасностью страны. Ситуация вокруг коронавируса дала возможность Трампу прямо использовать административный механизм выхода из политического кризиса, оказавшегося неразрешимым в рамках классического для США взаимодействия институтов. Но эффект подобного выхода за рамки политической «обыденности» может быть существенно более долгосрочным.

Коронавирус выступает в качестве не столько катализатора, сколько фокуса глобальных трансформаций. Катализатором скорее стал вопрос о перестройке мирового рынка углеводородов, перешедшего в результате решения России, носившего в том числе политический характер, из эволюционного и предсказуемого режима в форсированный и малопредсказуемый. Что доказало реально колоссальный «вес» глобальной углеводородной индустрии как главного источника рентного капитала и инвестиционных ресурсов. Но коронавирус стал фокусом для практического преломления всех основных социально-экономических тенденций позднеглобального мира, инструментом легализации накопленной потребности в изменениях.

Определяющим фактором трансформаций стало время, резко «сжавшееся» по сравнению с периодом зрелой глобализации, в особенности в том, что касается способности тех или иных структур, в том числе надгосударственных, к принятию кризисных политических решений. Вероятно, сжавшийся темп времени будет долгосрочной частью новой геоэкономической реальности.

Позднеглобальный мир созрел к использованию радикальных средств выхода из системы противоречий, сложившейся перед началом пандемии. Система противоречий характеризовалась сосуществованием двух параллельных тенденций: с одной стороны, мы наблюдали попытки усиления влияния национальных государств в противовес различным транснациональным структурам на фоне полной стагнации наднациональных (глобальных и региональных) политических и экономических институтов. С другой стороны, очевидной становилась невозможность развития в национальных рамках, сформулированных и сформированных, иногда силовым путем, после 1991 года и не только в постсоветской Евразии. Накануне начала эпидемии коронавируса в мире не осталось ни одного относительно самодостаточного в экономическом плане государства, не исключая США и Китая, имевших, несмотря на статус доминирующих игроков в глобальной экономике, большое число политически и социально значимых уязвимостей.

Россия, обладая потенциалом самодостаточности в социальных аспектах развития, а также активно прорабатывая возможности инвестиционной самодостаточности, не обладала подобным потенциалом ни по одному из важнейших направлений экономического и техноло-

гического развития, что и показали события 2018—2019 годов, связанные с введением США новых волн санкций в отношении нашей страны.

Думается, что на уровне среднесрочных тенденций мы вряд ли столкнемся с последствиями пандемии коронавируса в чистом виде. Исключение будет составлять болезненная трансформация социальных институтов, в том числе связанных с глобальными системными связями, что может оказаться крайне болезненным и экономически, поскольку целый ряд таких институтов был плотно встроены в экономические системы не только отдельных стран, но целых макрорегионов.

Туризм, профессиональный («зрительский» и «спонсорский») спорт, значительная часть индустрии досуга как минимум в ряде случаев являлись системообразующими компонентами региональных и национальных экономических систем, дополняя включенность отдельных элементов национальных экономик в глобализированные промышленные цепочки. Такая ситуация характерна для Средиземноморья, ряда регионов Юго-Восточной Азии, отчасти Центральной Америки. В меньшей степени это затрагивает Восточную Азию и «старую» Европу.

В подобных случаях трансформации могут принять долгосрочный и крайне социально болезненный характер, в процессе которого традиционные общественные и политические институты могут быть замещены новыми, не исключено, что привнесенными извне. В остальных регионах мы будем наблюдать ускоренную перестройку национальных и региональных хозяйственных систем, в которой пандемия будет играть вспомогательную роль как инструмент политической легализации не всегда экономически оправданных решений. Основа процессов трансформации будет сформирована на чисто экономических факторах, связанных с изживанием потенциала «инвестиционной» модели глобализации и обострением конкуренции национальных экономических «ядер» крупных экономических систем.

Для России в среднесрочной перспективе принципиальной задачей становится преодоление несамодостаточности российской экономики в новом геоэкономическом и технологическом контексте. Несамодостаточность может быть преодолена через завязывание на себя наиболее значимых технологических и сервисных узлов как минимум в северо-восточной части Евразии и Прикаспии при условии сохранения внутренней геоэкономической и политической связности пространства России. Вопрос в том, что пространственные и количественные параметры этой связности (размеры необходимой территории и количество населения, вовлеченного в экономическую систему) пока не представляются очевидными. Принцип расчетов по количеству «потребителей», характерный для глобализирующейся экономики, вряд ли может сейчас рассматриваться как полностью адекватный.

В условиях нынешнего кризиса, носящего ярко выраженный социальный характер, становится неизбежным глубокий пересмотр принципов оценки эффективности экономической деятельности, что в первую очередь коснется крупнейших ТНК, вынужденных форсированно вводить автоматизированные и роботизированные системы, что неминуемо будет иметь серьезные социальные последствия. Но это же поставит вопрос о принципиально иной методике оценки эффективности деятельности государств, фактической демонетаризации критериев развития, переходе на качественные параметры.

Выделим пять блоков долгосрочных стратегических аспектов влияния на глобальную политику и экономику, окончательно отфиксированных пандемией коронавируса, но не являющихся только ее результатом, что значит, эти новые тенденции не обнулятся после того, как пандемия будет формально завершена.

Первое. Пандемия ускорила кризис мировой торговли и промышленной транснациональности, а фактически принцип мирового разделения труда в промышленности. Эти тенденции сформировались задолго до формального начала пандемии, но она отфиксировала новые подходы к управлению уже не только цепями поставок и логистикой, но и в целом – технологическим развитием государств и макрорегионов. Более того, можно говорить о том, что целый ряд

макрорегионов (например, «Большая Европа» или даже «Старая Европа», а также «Большой Ближний Восток») фактически перестал существовать. В этих условиях ключевым интегрирующим фактором глобальной экономики становятся транснациональные компании, значение которых как инструментов организации хозяйственной деятельности будет, вероятно, среднесрочно расти.

Пандемия спровоцировала кризис, а в ряде случаев коллапс прежних принципов технологического разделения труда и в целом – распределенной экономики. Но возникающая ситуация не является кризисом глобализированного американоцентричного инвестиционного пространства. Этот кризис с коронавирусом не связан, более того, в определенной степени пандемией будет смягчен, если только не произойдет коллапса американской финансовой системы. С относительной стабилизацией эпидемиологической ситуации этот аспект глобальных экономических противоречий никуда не уйдет.

Главный вопрос состоит в принципиальной невозможности поддержания регионализированных и тем более национализированных промышленных систем в условиях сохранения глобальных, а по сути американоцентричных инвестиционных потоков.

Показательны попытки США в последние полгода запустить новую волну борьбы с «альтернативными» по отношению к «базовой» американоцентричной системе глобальных финансов системами платежей и расчетов. Уже в процессе кризиса мы наблюдаем попытки «зачистки» рынка криптовалют.

Одним из наиболее непредсказуемых моментов для развития глобальной экономики может выступить национализация денег, результатом чего может стать фактическое, а в перспективе и формальное дезавуирование принципа «глобальной резервной валюты» и переход к иным резервным инструментам. Инвестиционная американоцентричность в условиях распада глобализированных торговых и технологических цепочек будет означать нарастающую качественную деградацию глобальной промышленности и особенно – социального стандарта.

Второе. Коллапс межнациональных и наднациональных политических институтов, создающий долгосрочный вакуум регулятивности в экономике и политике. Пандемия коронавируса и последовавшие за паникой административные решения зафиксировали полный коллапс международного экономического и социально-экономического права. Вероятнее всего, мир будет в обозримой перспективе (до 10 лет, как минимум в ближайшие 3—5 лет) действовать в условиях слабых, а возможно – полностью отсутствующих механизмов международного политического и экономического права, включая торговые отношения. Это ставит на повестку дня необходимость форсированной национализации правовых аспектов российской экономики и перевод всех процессов по разрешению экономических споров исключительно в национальную юрисдикцию.

Нынешний кризисный всплеск в финансовом секторе произошел в ситуации полного коллапса глобальной экономической регулятивности. Ни один из глобальных экономических институтов не мог считаться дееспособным уже до момента начала нынешней волны кризиса. Едва ли можно рассчитывать на восстановление дееспособности в нынешних условиях и даже после окончания пика кризиса.

Если в сфере глобального политического и гуманитарного регулирования мы еще можем надеяться на восстановление в относительно близкой перспективе хотя бы отдельных элементов регулятивности, то в экономической сфере это пока выглядит совершенно невероятным на глобальном уровне, а на региональном потребует существенных затрат организационных ресурсов и политической воли.

Для России наиболее важной задачей становится восстановление управляемого и защищенного от внешнего воздействия правового режима на пространстве Евразии. Это требует, как минимум, отхода от ранее считавшейся незыблемой модели ограничения интеграционных процессов только экономикой. Регулятивность не может быть восстановлена только на базе

экономических договоренностей, поскольку эпидемия коронавируса создала риски как социального, так и политического характера.

Третье. Эффективность государственного управления становится решающим фактором глобальной конкуренции. Хотя внешне коронавирус в основном затрагивает системы текущего управления, в действительности он еще раз обострил вопрос о необходимости стратегического контура национального управления. Там, где он есть – Китай, США, в известной степени Россия, – последствия переживаются гораздо более мягко. Там, где доминирующую роль играли различные наднациональные и региональные структуры (например, в ЕС), ситуация развивается существенно в более негативном ключе. Проблема состоит в том, что это требует формирования, особенно в крупных государствах, двухконтурной системы управления, когда контур кризисного управления отделен от контура текущего управления и обладает самостоятельными ресурсными и финансово-инвестиционными возможностями.

Задействование Трампом систем управления на базе FEMA (Federal emergency management agency – расширенный американский аналог российского МЧС) и введение в действие архаического Закона о военном производстве 1950 года, неадаптированного к условиям глобализированных технологических цепочек и постиндустриального общества, однозначно свидетельствует о критических уязвимостях систем государственного управления.

Эффективное сочетание различных «контуров» государственного управления становится важнейшим фактором конкуренций «образов будущего», что справедливо считается основой развития многополярного постглобалистского мира. Но это требует глубочайшего переосмысления всех принципов государственного управления, закладывавшихся в основу постсоветской российской государственности и возврата к принципу среднесрочного планирования как основе развития.

Четвертое. Эпидемия коронавируса обозначила завершение эпохи социальной и социально-экономической мобильности, игравшей роль одной из основ глобализации в том виде, как мы ее знали и как нам она подавалась идеологами постглобального мира. Вероятно, этот аспект является наиболее недооцененным, но и наиболее долгосрочным, поскольку он затрагивает не только чисто социальный аспект глобализации и ее «ядра» – постглобального мира, но и целый ряд важнейших экономических оснований глобализации, в частности сам факт наднациональности систем управления важнейшими экономическими процессами и функционирование важнейших экономических систем.

«Яппи-интернационал», глобализированное сообщество «успешных профессионалов-управленцев», по факту охватывавший топ-менеджеров транснациональных компаний, выбравших космополитический образ жизни и траекторию развития, в действительности играл очень значительную роль не только в формировании социальных пространств, но и как экономическая категория, определявшая «горизонт мечты» для стран, пытавшихся осуществлять догоняющее социальное развитие стран и значимых социальных групп. В целом ряде стран, включая большинство т. н. «новых индустриальных стран», именно в расчете на эту категорию формировалась перспективная социальная инфраструктура.

Кризис социальной мобильности, однако, в современных условиях может носить многоуровневый и многоаспектный характер, поскольку затрагивает слишком широкие слои населения не только в коллапсирующих странах, но и там, где имели место попытки осуществления догоняющей глобализации. В этих условиях объективно будет возникать запрос на новые идеологические основания, причем конкурирующие, для глобальной и национальных идентичностей, что может также создать существенные социальные риски.

Пятое. Возникают элементы операционной реальности безлюдной, как минимум малолюдной и бесконтактной, экономики. Отметим, что целый ряд аспектов этой потенциально «безлюдной» экономики был апробирован уже на поздних фазах развития классической глобализации, когда происходила глубокая алгоритмизация и виртуализация целого ряда отрас-

лей: логистики, финансов, систем социального управления, что сопровождалось массовыми сокращениями. Десоциализация экономики лишает своей основы базовый драйвер развития глобализации в ее целостном социально-экономическом и политическом понимании: опора на механизм роста за счет потребления, под который подстраиваются все иные структурные элементы, включая развитие технологий. Постпандемический мир приходит к кризису одноразовости в потреблении и ускоренного оборота потребительских товаров, что будет иметь существенные социальные и даже идеологические последствия.

Одновременно неизбежен кризис концепции социального иждивенчества, в наиболее полном виде выраженной в идее минимального (базового) гарантированного дохода, основанного, безусловно, на сниженном социальном стандарте, но, с другой стороны, и на убыстрении амортизации товаров, их одноразовости и совместном использовании. Последнее попадает под удар хотя бы по гигиеническим соображениям. В условиях кризиса социально иждивенческие слои становятся не просто наиболее уязвимой категорией общества, но потенциально одной из наиболее агрессивных и деструктивных.

Наиболее чувствительными являются не кратко- и даже не долгосрочные последствия таких процессов, а эффект долгосрочного деклассирования, то есть выдавливание значительных групп биологически активного населения из сферы социально-полезной экономической деятельности. В посткризисной экономике возникает запрос не на потребителя, квалифицированного или нет, потенциал которого как центрального звена в социальном развитии будет и далее сокращаться по объективным и субъективным причинам, а на «творца», что противоречит всему укладу модели капитализма, строившейся в рамках глобализации.

Это повышает уже не только философскую, а политическую значимость осмысления нового мира и понимания особенностей его развития, что становится важнейшим требованием к политической, да и экономической элите.

*Дмитрий Евстафьев, профессор факультета коммуникаций, медиа и дизайна
Высшей школы экономики*

Кондратьевские волны, кризис и коронавирус

Мир меняется, и мы меняемся вместе с ним. Большинство диванных политологов перекалифицировались в диванные вирусологи. При этом в будущее они боятся заглядывать, ведь кажется, что дальше станет хуже. Всякая современная аналитика сводится к тому, что мир необратимо изменился, что глобализации и классическому капитализму приходит конец, что пора учить китайский и т. п. Тем не менее, как показывает исторический опыт, любой социальный процесс, особенно на переломе эпох, содержит в себе не только негативные тенденции. Всегда есть и позитив, который поначалу неочевиден.

Неизбежный кризис

Футурологи знают, что именно в периоды кризисов предсказывать будущее легко, потому что изменения касаются всех и становятся хорошо видны границы допустимого, которые общество готово переступить ради решения больших проблем. Что мы наблюдаем сегодня? Мир отправлен в добровольно-принудительную «самоизоляцию». Пока – до начала лета, но действие ограничений может затянуться. Часть гражданских свобод отменена. Всякая активность, не связанная непосредственно с выживанием и сохранностью государственного управления, искусственно снижена до минимума.

Очевидно, что экономика значительно просядет, откатившись по многим показателям на двадцать или более лет. Чтобы сохранить остатки резервов, некоторым странам и корпорациям придётся прибегнуть к дефолту по внешним долговым обязательствам. Массовые банкротства станут повседневным явлением. В очередной раз наберут популярность левые идеи, однако социалисты и коммунисты быстро уступят место на «протестных площадках» националистам, которые апеллируют к более простым способам решения проблем. На окраинах наиболее пострадавших государств усилится сепаратизм, который породит впечатляющий «парад суверенитетов» и череду региональных войн. Резко вырастет цифровой сектор мировой экономики. Наличные деньги и бумажные документы станут анахронизмами. Увеличится значение системы социальных рейтингов, что снизит приватность граждан до уровня тоталитарных образцов.

Все эти последствия развития кризиса представляются неизбежными, но особенность нашего времени в том, что он разразился бы в любом случае – весной или осенью 2020 года.

Любой, кто активно интересуется футурологией, раньше или позже сталкивается с теорией «длинных волн» Кондратьева, которая обладает зримой прогностической функцией. Впервые гипотезу о существовании полувековых циклов в развитии капиталистической экономики российский учёный Николай Дмитриевич Кондратьев выдвинул в работе «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны» (1922). Затем он развил свои соображения в теорию, основанную на эмпирическом анализе, результаты которого изложены, например, в книге «Большие циклы конъюнктуры. Доклады и их обсуждение в Институте экономики» (1928).

Теория Н. Д. Кондратьева

Если излагать её упрощённо, то Кондратьев установил, что историю развития капитализма можно разделить на периоды, между которыми происходят мощнейшие кризисы. В своих работах учёный выделил три периода (или цикла): 1789—1849, 1849—1896, 1896—1949 годы (до завершения третьего он не дожил). При этом они состоят из двух фаз: «повышательной» и «понижательной».

Кондратьев определил несколько процессов, которые типичны для фаз, – «эмпирических правильностей». Среди прочего он указал, что в самом начале «повышательной» фазы происходит глубокое изменение жизни капиталистического общества, которому предшествуют значительные научно-технические нововведения. В «повышательной» фазе первого цикла ими стали развитие текстильной промышленности и производство чугуна, второго – строительство сети железных дорог, позволивших освоить новые территории и преобразовать сельское хозяйство, третьего – широкое внедрение электричества, радио и телефона.

Перспективу очередного подъёма Кондратьев видел в автомобильной промышленности. Сегодня мы знаем, что он был прав: начиная с середины 1940-х годов, то есть на «повышательной» фазе четвёртого цикла, двигатели внутреннего сгорания уверенно захватили все сферы, а нефть стала «кровью» цивилизации, обеспечивая не только транспортные, но энергетические нужды.

Больше того, на наших глазах произошла и научно-техническая революция «повышательной» фазы пятого цикла (1990-е годы): она была отмечена бурным развитием электроники, вычислительной, лазерной и телекоммуникационной техники. Благодаря ей появились предметы быта, без которых мы сегодня уже не представляем себе комфортное существование: мобильные телефоны, персональные компьютеры, информационные сети, системы глобального позиционирования.

К сожалению, всякая «повышательная» фаза неизбежно сменяется «понижательной», что обычно сопровождается войнами и революциями, а завершается масштабным кризисом, который в свою очередь тоже может продолжаться несколько лет. Если говорить о XX веке, то «понижательные» фазы пришлось на 1920—1945 и 1966—1985 годы. При этом в историю вошла Великая Депрессия, которая началась осенью 1929 года и последствия которой ощущались целое десятилетие. Менее известен Структурный экономический кризис, грянувший весной 1971 года и продолжавшийся шесть лет; он сопровождался крахом Бреттон-Вудской системы и Нефтяным кризисом, которые сильно повлияли на Западный мир.

Как показывает практика, глобальный кризис начинается за пятнадцать лет (плюс-минус год) до завершения «понижательной» фазы, и всё это время мировая экономика падает, а после достижения «дна» переходит в «повышательную» фазу. Если экстраполировать опыт прошлого века на современность, получается, что пятый цикл, который мы переживаем, начался примерно в 1985 году и завершится в 2034—2035 годах. При этом кризис должен был начаться в 2020 году.

Смена фаз

Надо сказать, что теория Кондратьева не считается общепринятой; её критикуют без малого столетие, но преимущественно за периодизацию циклов; само их существование не ставится под сомнение. Поэтому много споров вызвал финансовый кризис осени 2008 года, спровоцированный «сдуванием пузыря» ипотечного кредитования в США. Мировая банковская система стала разваливаться, что живо напоминало эпоху Великой Депрессии. Поскольку кризис проявился раньше «расчётного» времени, многие заговорили о том, что «кондратьевские» циклы сокращаются. Следовательно, устойчивый рост начнётся уже во втором десятилетии XXI века.

На этом фоне даже начались дискуссии о грядущей научно-технической революции, которая в очередной раз изменит мир на «повышательной» фазе цикла. В качестве примера можно привести речь американского президента Барака Обамы, произнесённую 27 апреля 2009 года на ежегодном собрании Американской национальной академии наук:

«В такой трудный момент находятся те, кто говорит, что мы не можем позволить себе инвестировать в науку, что поддержка исследований – это что-то вроде роскоши в то время,

когда приходится ограничивать себя лишь самым необходимым. Я категорически не согласен с этим. Сегодня наука больше, чем когда-либо раньше, нужна для нашего благосостояния, нашей безопасности, нашего здоровья, сохранения нашей окружающей среды и нашего качества жизни. <...> Мы будем выделять более трёх процентов ВВП на исследования и разработки. Мы не просто достигнем, мы превысим уровень времён космической гонки, вкладывая средства в фундаментальные и прикладные исследования, создавая новые стимулы для частных инноваций, поддерживая прорывы в энергетике и медицине, и улучшая математическое и естественнонаучное образование. Это – крупнейшее вложение в научные исследования и инновации в американской истории. Только подумайте, чего мы сможем достичь благодаря этому: солнечные батареи, дешёвые, как краска; „зелёные“ здания, сами производящие всю энергию, которую потребляют; компьютерные программы, занятия с которыми столь же эффективны, как индивидуальные занятия с учителем; протезы, настолько совершенные, что с их помощью можно будет снова играть на пианино; расширение границ человеческого знания о себе и мире вокруг нас. Мы можем это сделать».

Однако, как указывают современные аналитики, в ходе «преждевременного» кризиса не произошло значительных структурных изменений в мировом экономическом укладе. Правительства развитых стран оказали беспрецедентную поддержку банковскому сектору, что позволило удержать волну банкротств и рецессию. Естественный ход событий, определяемый строгой цикличностью, оказался нарушен. И кризис приобрёл затяжной характер. Например, в октябре 2018 года эксперты Международного валютного фонда отмечали:

«Действия в рамках экономической политики, предпринятые за прошедшее десятилетие, повысили спрос и предотвратили худшие результаты с ещё большим падением объёма производства и занятости. Реформа системы финансового регулирования также сделала банковский сектор более надёжным. Однако некоторые из этих мер политики имели существенные побочные эффекты. Длительный период сверхнизких ставок в странах с развитой экономикой способствует нарастанию финансовых факторов уязвимости, особенно за пределами регулируемого банковского сектора. Значительное накопление государственного долга и сокращение бюджетных резервов во многих странах указывают на острую необходимость восстановления этих мер защиты для подготовки к следующему спаду».

Хотя формулировки выглядят обтекаемыми, эксперты давали понять: скоро начнётся новый кризис – куда более серьёзный, чем предыдущий, в связи с тем, что возможности купировать его тяжёлые последствия для «реального» сектора экономики теперь ограничены. За спасение банков десять лет назад придётся заплатить сокращением товарооборота и деловой активности, массовой безработицей и катастрофическим падением уровня жизни.

И вот новый кризис грянул! Хотя, если оперировать теорией Кондратьева, то можно утверждать: ничего нового в нём нет – просто процесс падения мировой экономики удалось на некоторое время затормозить.

Так ли уже черен «черный лебедь»?

Сегодня в моде рассуждения, будто бы кризис спровоцирован пандемией коронавирусной инфекции COVID-19. Её даже называют «чёрным лебедем» – непредсказуемым событием, которое, согласно Нассиму Талебу, разрушает сложившийся порядок вещей. Но достаточно вспомнить, что весной 2009 года, когда ещё бушевал «преждевременный» финансовый кризис, началась пандемия «свиного» гриппа А/Н1N1 с достаточно высокой летальностью, но при этом никто не решился ввести столь строгие карантинные меры, какие мы наблюдаем ныне.

Складывается впечатление, что пандемия COVID-19 используется как возможность для решения накопившихся экономических проблем под предлогом «наступления форс-мажорных обстоятельств».

В действительности ситуация сложнее и интереснее. Знаменитый писатель Стивен Кинг в жутковатой апокалиптической повести «Туман» (The Mist, 1980) сформулировал очень верную мысль: «Если людей пугать достаточно сильно и достаточно долго, они пойдут за любым, кто пообещает спасение». Кризис когда-нибудь закончится, однако выгодоприобретателями на очередной «повышательной» фазе станут те, кто сумеет найти «спасение» – новый объект для приложения созидательных сил цивилизации. Вторая мировая война превратила примитивные бензиновые моторы в колоссальную индустрию. Третья мировая война, которую по традиции называют «холодной», превратила громоздкие вычислительные машины в безграничный рынок информационных услуг. Возможно, мы входим в четвёртую мировую войну, которая превратит робкие биотехнологические эксперименты по изменению человеческой природы в промышленную отрасль с высокой инвестиционной ёмкостью.

Как при любой войне, будут не только победители, но и побеждённые, и жертвы. Тогда-то нам всем и понадобятся бытовые навыки, которые формируются под воздействием карантинных мер. Придётся привыкнуть к медицинским респираторам, защитным костюмам, санитайзерам, социальной дистанции, обучению через интернет и различным ограничениям в правах. Зато через пару десятилетий нас ожидает мир, в котором высокие медицинские технологии, исцеляющие инвалидов, замедляющие старение и расширяющие человеческие способности, станут доступны всем и каждому. Дожить бы...

Антон Первушин

Макроэкономические последствия пандемии

На пороге другой реальности

Апрель 23, 2020

Улицы мегаполисов опустели, торговые центры закрыты, больницы переполнены, люди боятся выйти из дома, а новостные выпуски начинаются со страшных цифр – количества заболевших и умерших. И это не фильм-катастрофа, а наша с вами реальность. Ситуация беспрецедентная – трудно вспомнить, когда бы вирус вызывал такие глобальные перемены. Становится тревожно, и возникает множество вопросов. Как будут развиваться события? Какое влияние пандемия окажет на экономику? Каким станет мир после всеобщего карантина? Для того чтобы ответить на них и попытаться разобраться в ситуации, на Zoom-конференцию «Мир после пандемии», организованную деловым изданием «Инвест-Форсайт» и Институтом проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН Институтом проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН в рамках проекта «Клуб проектирования будущего». «Клуб проектирования будущего», собрались ведущие эксперты: экономисты, футурологи, медики, предприниматели.

Экономика: 3D-эффект – дефицит, девальвация, дистанцирование

Пандемия коронавируса станет серьезным испытанием для мировой экономики. Об этом в один голос говорят сейчас экономисты и финансисты. Насколько серьезным? Тут прогнозы расходятся. Но факт остается фактом: коронавирус уже катастрофически повлиял на многие экономические цепочки, что привело к замедлению мировой торговли.

«Нынешний кризис в экономике беспрецедентный. И прежде всего он – транспортно-логистический. Происходит изоляция целых географических регионов. Блокируются дороги, закрываются порты – в артериях товарных поставок образуются тромбы. А когда потоки, впадающие в мировую товарную реку, перекрыты, река мелеет и пересыхает», – заявил Артем Генкин, д.э.н., профессор, президент АНО «Центр защиты вкладчиков и инвесторов».

Действительно, коронавирус критически сказался на экспорте некоторых видов аграрной продукции из Аргентины. Возникли проблемы с сезонными рабочими, а значит, может остаться необраным урожай во Франции, Италии, Германии. Распространение COVID-19 в странах Латинской Америки создало угрозу возникновения дефицита кофе. Но что кофе! Без него просто станет не так уютно жить. Остаться без хлеба, круп и муки гораздо неприятнее.

По словам Артема Генкина, рынок продовольствия по ряду зерновых культур – олигополистический, и некоторые страны уже ввели ограничения или запрет на экспорт зерна.

«Опыт прошлых продовольственных кризисов показывает: если сейчас цены за зерновые культуры вырастут, скажем, на 30%, то лишь 15% из них придется на долю объективных факторов (пандемии, проблем с логистикой и сезонными рабочими и т.д.), а оставшиеся 15% окажутся на совести властей, из-за волюнтаризма которых блокируются продовольственные поставки. Сегодня как никогда важно, чтобы власти принимали не импульсивные и панические, а спокойные и взвешенные решения. А первоочередная задача экономики – сохранить товарно-логистические цепочки», – считает Генкин.

Но, похоже, не для всех это очевидно, и барьеры между различными регионами будут расти – желание дистанцироваться от мировой экономики сильно во многих странах, что становится заметно даже людям, далеким от политики.

По словам Сергея Хестанова, доцента факультета финансов и банковского дела РАН-ХиГС, доходы от поступления в бюджет экспортных пошлин в России упали в связи с пандемией на 87%! А ведь они составляют примерно треть всего государственного бюджета.

«Вслед за экспортом в России падает и импорт, занимающий в потребительской корзине россиян довольно существенное место. Даже в тех продуктах, которые традиционно воспринимаются как отечественные, доля импорта может составлять 6—12%. Взять, к примеру, молоко. Коровы наши, луга наши, но средства защиты животных от насекомых, ветеринарные препараты – импортные», – рассказывает Сергей Хестанов.

И добавляет, что такие нерадужные перспективы в экономике не могут не сказаться на рынке труда и благосостоянии населения:

«Практика показывает, что в период высоких цен на нефть население нашей страны живет хорошо. Пока власти надеются, что цены на нефть отыграют назад, девальвация рубля будет сдерживаться. Сегодня трудно делать какие-либо прогнозы, но, к сожалению, похоже, что ждать подорожания „черного золота“ не придется. Что меньшее зло – дефицит бюджета или девальвация рубля? Считаю, что все-таки девальвация. Хотя в любом случае нам придется нелегко – Россию ждут очень болезненные перемены. Последнее подобное обрушение цен на нефть было зафиксировано в 1986 году, и тогда мы наблюдали драму – распад СССР. Драма нынешнего года, скорее всего, будет связана с рынком труда, массовыми сокращениями, безработицей, падением доходов населения».

Общество: рынок труда улыбнется нам... недоброю улыбкой

По официальной статистике, в нашей стране уже сейчас 20 миллионов человек живут за чертой бедности. Реальные цифры, вероятно, еще выше. Пандемия эту ситуацию только усугубит. Рынок труда улыбнется нам. Но веселее от этого не станет. Ведь «улыбкой рынка труда» эксперты называют ситуацию, когда востребованными оказываются два противоположных сегмента – низкооплачиваемые рабочие с примитивными навыками и высококлассные специалисты с уникальными квалификациями и уникальными же зарплатами. Средний класс «проседает», оказывается за бортом.

«По оптимистичным прогнозам, уже в мае без работы могут оказаться около двух миллионов человек. По пессимистичным – безработных будет 5—10 миллионов. А если ограничительные меры в связи с пандемией затянутся, то эта цифра может вырасти и до 20 миллионов. Сильнее всего пострадают сфера услуг и мелкая розничная торговля. Но и остальные отрасли не обойдутся без сокращений сотрудников и зарплат. В результате нас ждет обострение социальной напряженности – когда люди понимают, что завтра будут жить хуже, чем сегодня, это точно не способствует созданию доброжелательной и спокойной обстановки. Вопрос в том, как умело и грамотно государство будет эту проблему решать. Возможно, в такой ситуации стоит вернуться к проработке идеи базового дохода», – считает Сергей Хестанов.

Про необходимость гарантированного базового дохода говорил и футуролог, визионер искусственного интеллекта Джин Колесников. Он также подчеркнул, что, возможно, необходимо пересмотреть всю мировую экономическую систему, которая, столкнувшись с нестандартной ситуацией, оказалась неспособна с ней справиться.

«Сегодня происходит не только экономический коллапс, но и колоссальный личностный кризис. Люди переживают слом привычных схем поведения, они оторваны от привычных им способов времяпрепровождения, напуганы, остались наедине с собой, своими близкими и информационным шумом, который лишь повышает уровень стресса. Они были не готовы к длительной вынужденной изоляции. Каковы будут последствия пандемии для психического состояния человека? Об этом стоит задуматься! Ведь ситуация будет только ухудшаться – после окончания карантина многие окажутся без работы, перейдут за черту бедности и при этом

будут не в состоянии сами себе помочь. Гарантированные государством доходы смогли бы хотя бы отчасти снять эту напряженность, понизить уровень стресса в обществе», – говорит Колесников.

С ним согласен и Юрий Визильтер, доктор физико-математических наук, профессор РАН, который считает, что роботизация производств и гарантированный доход могли бы снять вековое проклятье человечества трудиться в поте лица своего ради хлеба насущного.

А Артем Генкин не исключает появления аналога военнообязанных в гражданских отраслях – нужны специалисты, которые в случае экстренной ситуации обеспечивали бы бесперебойную работу предприятий и объектов инфраструктуры, необходимых для нормальной жизнедеятельности общества. Кстати, возможно, понадобится и создание отдельной индустрии, которая была бы полностью заточена на борьбу с эпидемиями.

Технологии: облака, кибермошенники, самолечение и бегство из мегаполисов

Пока же новых вакансий появляется крайне мало. А удаленная работа, которая раньше воспринималась как бонус, в период пандемии стала вынужденной и для многих оказалась серьезным испытанием. Сотрудники жалуются на отсутствие комфортных условий (одно дело работать из дома, когда дети в школе или в детском саду, совсем другое – когда вся семья в сборе), работодатели поняли, что их системы не справляются с возросшей нагрузкой и недостаточно безопасны.

«Пандемия бросила вызов информационным технологиям – так ли они современны и прогрессивны, как казалось? Когда компании перевели своих сотрудников на удаленку, выяснилось, что требуется расширить каналы связи, увеличить их емкость, проверить устойчивость IT-периметров, укрепить системы кибербезопасности и защитить их от мошенников. Многие клиенты сегодня обращаются к нам с такими запросами. Все мы стали участниками масштабного эксперимента – проводим видеоконференции, общаемся с коллегами по „Скайпу“. Для компаний это возможность проверить, готова ли их инфраструктура к возросшей нагрузке или стоит перевести ее на облачную платформу. Очень многие сейчас смотрят на „облака“, – рассказывает Антон Козлов, Head of Innovations компании Orange Business Services Россия и СНГ.

По словам Антона Козлова, есть запрос и на видеоаналитику. Например, некоторые компании хотят добавить в системы видеонаблюдения термальные камеры, которые бы отслеживали изменения температуры у сотрудников.

Мониторинг здоровья – вообще главный тренд этой весны. По мнению Бориса Зингермана, генерального директора ассоциации «Национальная база медицинских знаний», руководителя направления цифровой медицины ООО «Инвитро», пандемия выявила триггерные точки современной медицины и задала четкий вектор развития – следить за состоянием здоровья населения врачам должны помогать телемедицина и искусственный интеллект.

«Сегодня, когда все силы системы здравоохранения, сложившейся более ста лет тому назад, направлены на борьбу с коронавирусом, „нековидные“ пациенты (с хроническими заболеваниями, будущие мамы, дети) оказались обездоленными – отменяются плановые обследования, консультации, операции. К примеру, одно только стандартное ведение беременности предполагает около семидесяти различных мероприятий, среди которых визиты к гинекологу и специалистам, анализы, УЗИ. Зачем врачам такая нагрузка, когда 90% всех этих мероприятий могут быть реализованы с помощью телемедицины?» – рассуждает Борис Зингерман.

По его мнению, сегодня мы переживаем принципиально важный момент – слом традиций в медицине, когда максима «заболел – беги к врачу» уже не работает. Если полвека назад медицинскую литературу было не достать и с любым вопросом люди обращались к докторам, то сегодня врач и пациент находятся в одном информационном поле, и зачастую пациент, в тече-

ние долгих лет страдающий каким-либо хроническом заболеванием, знает о болезни гораздо больше выпускника мединститута.

«Многие вопросы современный пациент может решить не на приеме у врача в поликлинике, а с помощью искусственного интеллекта. Система поддержки принятия решений, которая поможет сориентироваться в потоке мединформации, – вещь незаменимая. Кризис нанесет большой удар по медицинскому патернализму, повысится популярность „ответственного самолечения“, возрастет роль и расширятся возможности телемедицины», – считает Борис Зингерман.

Слом традиций наверняка ждет нас не только в медицине. Скорее всего, изменятся и паттерны поведения, приоритеты. Как справедливо заметил Юрий Визильтер, наши прогнозы на будущее зависят от того, считаем ли мы нынешнюю коронавирусную атаку уникальной, или подобные ситуации будут повторяться снова и снова? Второй вариант кажется вполне вероятным.

«В связи с пандемией требуются технологии, которые отслеживали бы местонахождение людей, мониторили бы их состояние здоровья... Мы движемся к прозрачному миру, в котором всем все про всех известно. При этом люди будут стараться жить более обособлено, ограничивая круг общения родственниками и близкими друзьями. Произойдет бегство из мегаполисов. Может быть, прозвучит экстремально, но это некий возврат в средневековье, в котором, правда, есть место (и очень большое) виртуальному миру (он позволяет реализовывать желания и мечты, не затягивая на шее экономической петли). Угроза пандемий, передачи вирусов от одних биологических видов другим, возможно, подтолкнет ученых к экспериментам с генетическими изменениями человека. Ящик Пандоры будет открыт, человечество начнет быстро и целенаправленно эволюционировать», – рассуждает Визильтер.

И тогда нас ждет уже совсем другая реальность...

Наталья Сысоева

Прогнозы ущерба для мировой экономики от коронавируса Март 5, 2020

Статистические данные по распространению коронавируса на 03.03.2020 года выглядят весьма серьезно: более 92 тыс. случаев подтвержденных заболеваний по всему миру (из которых уже почти 12 тыс. – за пределами Китая); летальных исходов – 3134 (из которых – почти 200 – за пределами Китая).

На 19 февраля цифры (представленные в абсолютном выражении) хоть и выглядели весьма плачевными: общее число скончавшихся от заражения коронавирусом превысило 2 тысячи человек; количество подтвержденных случаев заболевания по всему миру – более 75 тыс. инфицированных, но динамика сдерживания ситуации позволяла давать весьма позитивную оценку перспектив. Статистика говорила о сдерживании вируса на территории Китая, где сосредоточилось 98,65% случаев заражения. И «выходы» вируса за его границы рассматривались в качестве разовых, «купируемые» которых можно было осуществлять в ручном, тщательно контролируемом формате.

При этом ежедневные приросты летальных случаев не выходили за пределы 7%, а количество инфицированных увеличивалось лишь на 2,5% (в то время как в конце января оба показателя росли на 20% ежедневно). Все вышеперечисленное говорило о затухающем тренде; следовательно, его негативное воздействие на экономику можно было оценивать, исходя из «мягкого» прогноза: падение прироста мирового ВВП от 0,1% до 3,3% в текущем году.

Но даже в том, можно сказать, «выправляющемся» сценарии были заложены еще и скрытые угрозы: согласно заключенному торговому соглашению между КНР и США, объем импорта, который должен принять Китай в течение ближайших двух лет с целью сокращения дефицита торгового баланса США, составляет \$200 млрд. Но ввиду снижения спроса в КНР (ведь в период «острой» фазы вируса люди думают не о покупках: их задача – самосохранение) и нарушения производственных бизнес-процессов на фоне вируса возможности исполнения взятых на себя Китаем обязательств подвергаются очевидным рискам. В этом случае (и в случае неприятия возникшего форс-мажора американской стороной) возникают риски возобновления третьего витка торговой войны с известными всем последствиями. Тогда вышеприведенная оценка потерь роста ВВП может быть подвергнута серьезному пересчету, масштабы которого в долгосрочном периоде существенно переключат «коронавирусные потери».

Главный удар, который был нанесен коронавирусом мировой торговле в «старом» состоянии его «консервации» на территории Китая, отражен в прогнозах на снижение темпов роста мировой экономики на 0,1% в периметре текущего года. Однако следует обратить особое внимание на «реперные» точки, которые наиболее сильно ударили по ряду российских отраслей. Крайне болезненным оказалось падение нефтяных котировок («Юралс») с начала января к 03.03.2020 – до \$45.

Также Россией был получен ощутимый «удар» по экспорту продукции в Китай: руды, золы, жиров, воска, мукомольной продукции, злаков, древесины и т. д. Его снижение оказалось весьма значительным: с 1 января по 10 февраля 2020 года объем поставок сократился на 27,6% (относительно аналогичного периода прошлого года). Тем не менее это падение может быть частично «отыграно» в поствирусный «период», когда китайская экономика начнет наращивать свои объемы с целью компенсации провала 1-го квартала текущего года.

При этом есть еще сегмент бизнес-услуг, компенсация потерь которого в последующие периоды не может быть осуществлена в силу его специфики. Это туризм. В последние годы

здесь закрепились тенденции, суть которой можно кратко отразить так: каждый 10-й турист в мире – представитель КНР. В рамках мероприятий, нацеленных на борьбу с вирусом, этот подход был пресечен как запретами китайской официальной стороны, так и с принимающих сторон – люди просто не выезжают из страны, охваченной вирусом. В результате нанесен прямой ущерб туристической отрасли всех стран мира, а вместе с этой отраслью под ударом оказались все смежные бизнес-направления, прямо или опосредованно вовлеченные в процесс.

Мировой туризм уже сейчас не досчитался более \$23 млрд; что касается России, то оценка не привезенных в нашу страну китайскими туристами средств составляла около \$100 млн, – и это лишь прямое недополучение средств туристической отрасли, не учитывающее мультипликативный эффект неполучения ресурсов смежными отраслями. К сожалению, туристы (и их средства), не приехавшие в Россию или в другие страны, не трансформируются в усиление поездок и трат в будущем, когда победа над вирусом будет окончательно одержана, к тому же сроки окончания «туристических блокад» до сих пор не ясны.

Ситуация сегодняшнего дня резко ухудшилась из-за «прорыва» вируса за территорию Китая – смертельные случаи зафиксированы в Таиланде, США, Италии, и это лишь неполный список стран-«бенефициаров» заболевания. Сегодня главная опасность вируса трансформируется не в те цифры, которые приведены выше, а в его непредсказуемость, в том числе с экономической точки зрения. И главная задача мирового сообщества (как бы высокопарно это ни звучало) – объединить усилия для возможной минимизации потерь мировой экономики относительно того уровня, на который они вышли сегодня.

*Олег Чередниченко, доцент кафедры экономической теории РЭУ
им Г. В. Плеханова*

Мир ждут массовые банкротства и рецессия экономики Март 3, 2020

Как остановить эпидемию коронавируса? Может ли она привести к закрытию границ? Стоит ли закупать соль, спички и муку в ожидании карантина? Все это обсудили эксперты на состоявшемся вчера круглом столе «Распространение коронавируса в Европе: возможные последствия».

По последним данным, коронавирусом в мире заражено примерно 90 тысяч, умерло около 3 тысяч человек. Цифры впечатляют? Да, если не принимать во внимание тот факт, что в прошлом году от гриппа скончалось 650 тысяч человек. Такие данные привел заместитель директора Института Европы РАН Владислав Белов. И рассказал о влиянии коронавируса на экономику Европы на примере Германии.

«В Германии объявлена эпидемия, создан антикризисный штаб, люди массово скупают консервы. Появился даже такой термин „хомячьи закупки“, когда люди запасаются всем необходимым впрок. В общественном транспорте звучат рекомендации не здороваться за руку, чихать, прикрываясь рукавом, не стоять слишком близко друг к другу. Люди очень обеспокоены. Помимо проблем со здоровьем, всех волнуют и затронуло автопромышленность Германии, которая и так находится в кризисе с 2018 года. Заметно пострадали малый и средний бизнес», – сказал говорит Белов.

Убытки мировой туристической отрасли, по приблизительным оценкам, уже составили \$22 млрд. Страдает выставочный бизнес. И даже фармацевтическая промышленность, которая, казалось бы, должна радостно оживиться от рекордных продаж защитных масок и иммуномодуляторов, пребывает в тревоге – 88% субстанций для производства лекарственных препаратов в Европу поставляется из Китая.

По словам члена-корреспондента РАН Алексея Кузнецова, хотя коронавирус пока унес намного меньше жизней, чем грипп, на то, чтобы остановить эпидемию, тратятся огромные силы и средства, ведь ее последствия для мировой экономики могут оказаться катастрофическими. Так, например, «Аэрофлот» последние годы делал ставку именно на туристов из Китая. По прогнозам аналитиков, поток китайских путешественников должен был из года в год стабильно увеличиваться... Но беда пришла откуда не ждали. Надежные инвестиции оказались рискованными.

«Если в течение весны еще несколько стран будут охвачены эпидемией, это приведет к погружению мировой экономики в рецессию», – делает вывод Кузнецов.

А старший научный сотрудник сектора экономики европейских стран Центра европейских исследований ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова Владимир Оверченко призвал обратить внимание на два неочевидных и плохо контролируемых канала распространения инфекции – мигрантов и военных. Он считает, что стоит до окончания эпидемии отсрочить все военные маневры, а также не спешить с принятием законов, облегчающих миграцию. Кстати, по мнению экспертов, в связи с распространением вируса может быть предложена экстраординарная мера – закрытие границ по санитарным соображениям, первое в истории ЕС.

Удастся ли в ближайшее время справиться с эпидемией? Эксперты думают, что некоторые основания для оптимизма имеются. Во-первых, не за горами теплая солнечная погода, которой коронавирус не выносит (Covid-19 плохо выживает при температуре выше +24 градусов). Во-вторых, карантин и прочие меры защиты уже начали приносить результаты – число заболевших в Китае пошло на убыль.

Наталья Сысоева

За кулисами эпидемии Март 12, 2020

Только ленивый не написал о коронавирусе. Информационный ресурс, не поддержавший тему, упускает львиную долю трафика. Удивляет. Хотя бы потому, что Китай всегда был закрытой информационной страной. Сколько человек слышало о военных учениях 500 тысяч китайских солдат в пустыне? А о забастовках рабочих в Гонконге?

Китай никогда «не выносил сор из избы», а тут, заметьте, государство само впервые развивает информационное поле про вирус. При этом умерли 3000 человек. Да, это много. Но если сравнить с прошлогодней эпидемией гриппа в Штатах, тогда умерло 10 тысяч человек. А сколько умирает в России от гриппа и пневмонии?

При этом, когда китайские друзья мне присылают видео из магазинов, парков, то города не похожи на картинку из фильмов про конец света. Люди так же ходят на работу, гуляют с детьми. Да, эпидемия внесла свои корректировки, но это не катастрофа.

Бизнес «работает» на 100%, а сфера услуг – на 40%... Не спору, наблюдались закрытия фабрик, был смещен график отгрузки товаров и поставок. Но такие же сбои происходят из года в год и во время китайского Нового года. А тут Китай вдруг на передовой информационного поля, а местные органы сами сеют панику.

Ключевой вопрос – зачем и почему? А если абстрагироваться от масок, вирусов и обсуждения «смертельной опасности» посылок с Aliexpress, посмотреть на мировые экономические индексы, то наблюдается спад. Вот заявление, которое Bloomberg сделал на днях: \$129 миллиардов – суммарная потеря топовых компаний индекса Доу-Джонса.

Что дальше? Есть несколько предположений. Например, с огромной долей вероятности огромное количество американских компаний, которые сейчас будут терять в стоимости акций, будут выкуплены китайскими инвесторами.

Уже просочилась информация, что в местных компаниях химической отрасли акции, принадлежавшие зарубежным партнерам, выкупили китайцы.

При этом мы помним, что внутри страны – огромный внутренний рынок. В Китае – 10 городов с населением более 10 миллионов человек. 875 миллионов пользователей мобильных телефонов. И охват онлайн-рынка покупателей не меньше 700 миллионов человек. Вот и получается, что Китай мог бы в целом закрыть границы и вести торговлю только на внутреннем рынке... Но что тогда будет с такими компаниями-гигантами, как Apple, Zara, Chicco, Fiat и даже Tesla, производство которых непосредственно завязано на Китае?

Второе мнение, пусть смелое, но я уже слышал и его от своих китайских партнеров, что работа всех служб в условиях коронавируса – это такие учения в масштабах страны. Мы не можем утверждать, но это похоже на некую инсценировку, чтобы посмотреть, как государственные органы, крупные компании работают в экстренной ситуации. Зачем? Тут снова вопросов больше, чем ответов.

И вот этого, думаю, мы уже не узнаем. Китай всегда был закрытой страной – и то, что для государства важно, оно умело скрывало и будет это делать. Но в чем мы можем точно не сомневаться – у этой страны плановая экономика, а что уж китайцы умеют делать четко и хорошо, так это выполнять план.

*Дмитрий Ковпак, автор бизнес-тренингов «Как работать с Китаем», автор
издательства Synergy Book*

Эпидемия как маскировка кризиса

Апрель 24, 2020

Кто нарушил самоизоляцию и вышел за продуктами, те и умерли – примерно такими словами живописует современная англосаксонская пресса ужасы лондонской Лондоне 1665 г. Прессе вообще свойственно пугать обывателя, особенно если тема коронавируса во всю используется для прикрытия финансового коллапса и очевидно, что никакого плана выхода из начинающейся рецессии не предвидится. Но как же на самом деле сочетаются великие кризисы и самые страшные эпидемии? Совпадают ли они и если да, то почему?

Страшными фразами про эпидемии, конечно, сейчас можно напугать многих. Потому даже появились сторонники введения режима чрезвычайной ситуации или чрезвычайного положения (ЧС и ЧП). Некоторым кажется, что особый статус мер способен защитить общество от кошмара эпидемии. Другие отмечают: ЧП позволит бизнесу на формально правильном основании увольнять множество людей, тогда как по мнению авторов доклада «Победить третью волну» – сотрудников Кафедры политической экономии и истории экономической науки РЭУ им. Г. В. Плеханова, рабочие места нужно сохранять и умножать: массовый низовой спрос – основа для выхода из кризиса. Впрочем, сам спор об этом указывает, как тесно ныне связаны понятия «кризис» и «пандемия». И связь их крепче в тех странах, где сильнее кризис.

Эпидемиям не впервой прикрывать экономические провалы. В истории встречается несколько случаев, когда это происходило с большим размахом. Только тогда и кризисы, и эпидемии были несопоставимо большими, чем ныне. Большим был и страх. Потому чума 1346—1353 гг. осталась прежде всего как чума, но не как последствие кризиса. Эта жуткая эпидемия по некоторым оценкам унесла до трети населения Европы. Случилось это не из-за плохого здравоохранения: в те времена не было ни то, чтобы организованной медицины, вообще почти не было медицины, как не было и санитарии, и нормального карантина. На фоне того бедствия упомянутая чума 1665 года была не столь уж страшной напастью, как не были таковыми и иные нашествия болезней в Европе XVII—XVIII вв., по поводу избавления от которых всюду можно встретить памятные стеллы. Чума середины XIV в. была страшнее всех остальных.

Размах той эпидемии не был бы столь грандиозным, и убыль населения не была бы столь велика, если бы за эпидемией не стоял кризис. Но не эпидемия прикрывала кризис, а она сама была прямо порождена кризисом.. Аграрный кризис начала XIV в. выразился в перенаселении, а климат ухудшился – начиналось время, которую историки климата позже назовут Малым ледниковым периодом. Урожайность снижалась. И хотя голод был больше сельским явлением, а в городах ворчали на рост цен и так сильно не страдали, но произошло ухудшение питания. В результате иммунная система миллионов людей в самой развитой части мира, Европе, Центральной Азии и Китае, была ослаблена.

Тогда и явилась чума, чтобы собрать свой урожай. Экономический кризис XIV в. был страшен, но не осознавался современниками как экономический. Люди привычно замечали междоусобицы, войны, голод, эпидемии, крестьянские и городские восстания, разделение католической церкви (пап было двое, в Риме и в Авиньоне), но не думали о спаде торговли, трудностях сбыта ремесленной продукции, обвале цен на рынке недвижимости городов и тому подобном. Все это было, но все это не осознавалось как единое явление – великий экономический кризис.

Сейчас во многих странах мы видим аналогичный эффект. Люди замечают нашествие странной болезни, замечают многочисленные смерти заболевших, они аплодируют врачам и поют песни на балконах домов, не всегда задумываясь, отчего врачи не посещают их на дому, они видят склоки политиков и слышат громкие их заявления. За всем этим тема кризиса отодвигается на задний план, экономический спад становится как бы следствием...

Не только великий кризис XIV в. был причиной эпидемии чумы. Кризис III в. был также связан с волнами эпидемий. В 169 г. в Римской империи скончался Луций Вер, соправитель Марка Аврелия. Жизнь его унесла чума. Эпидемия явилась в государство, которое, казалось бы, еще процветало. Из китайских источников мы знаем: жуткая эпидемия накрыла и эту империю. Более того, её население так сильно сократилось к IV в., что историки и ныне спорят не было ли тут какой-то ошибки? Куда могли деваться десятки миллионов подданных императоров Поднебесной? Не могли же смуты конца II в. – III в. унести столько жизней? Не могли. Их унесли эпидемии чумы и, вероятно, иных болезней, связанные с недоеданием и ухудшением климата – метеорологический оптимум сменился пессимумом.

Чума не раз посещала в III в. и Римскую империю. В пылу смут и религиозных споров было ли возможно отдать себе отчет в кризисной сути событий? Не политической – экономической сути. В своей книге «Капитализм кризисов и революций» я подробно разбираю этот вопрос. Кризис был, он достигал ужасающих масштабов, но оставался слово бы незаметным, неуловимым в своей глубоко экономической сути. А эпидемии свирепствовали, и хаос от них в государствах и городах только нарастал. Едва ли в эпоху торгового и промышленного капитализма (XV—XVIII и XIX—XX вв.) кто-либо связывал эпидемии с кризисами. Да они и не имели такой силы. Наконец сами кризисы были короче и не продолжались многие десятки лет. Эпидемии могли прикрывать экономические проблемы, вызванные войной или иными причинами, как это было с «испанской» – поразившим почти треть населения планеты острым гриппом. Только связь между эпидемиями и кризисами была тоньше.

В наши дни едва ли можно говорить о том, что пандемия коронавируса порождена массовым снижением иммунитета в наиболее богатых странах. Кто-то, быть может, про себя скажет: в странах «золотого миллиарда», благополучной элиты неолиберальной глобализации. Там нет аграрных кризисов; там нет недоедания, – во всяком случае не было не было до массовых увольнений весны 2020 г. В США десятилетиями туристы наблюдают крепких темнокожих парней, просящих милостыню возле супермаркетов и гордо предупреждающих: «Меньше доллара не беру!» Это явление потрясло и в начале «нулевых годов», когда в других странах не все рабочие зарабатывали этот доллар в день. Туристам же всегда объясняли: в США нет голодных, здесь не у всех может быть дом, не все имеют приличную работу, но сыты все. Нет, вовсе не плохое питание стало причиной столь пугающего распространения коронавируса.

На ситуацию с заболеваемостью и смертностью повлияла недоступная и неэффективная медицина, отсутствие здравоохранения как национальной системы. Все это уже известно. Однако в информационном плане коронавирус оказался просто необходим для прикрытия экономического кризиса. И в этом плане кризис, конечно, породил проблему. Кризис оказался столь сильным, столь серьезно ударил по фондовому рынку, относительно дорогому реальному сектору, долговым пузырям и пузырям на рынке жилья, по банкам, по сфере услуг, которая была порождена высокой финансовизацией экономики Северной Америки и Западной Европы, что не исключено: «верхи» хотят побольше эпидемию и поменьше обсуждения в обществе природы кризиса. И не стоит забывать, что 2020 г. принес не новый особый кризис, а Третью волну кризиса 2008—2009 гг. (Вторая волна Запад в 2013—2016 гг. не задела).

Многие волны образовались в кризисе по причине негодной рецептуры борьбы с ним. Эта борьба снимала симптомы или блокировала их появление, тогда как причины кризиса никуда не исчезали. В результате правительства и центральные банки виновны, кругом виновны в ужасах кризиса 2020 г. Но разве об этом следует говорить и писать? Гораздо интересней пугать обывателя вероятностью умереть, если он лишний раз выйдет за продуктами. Страх – отличное средство не объяснять людям связь кризисов и эпидемий, тем более что сейчас эта связь не совсем такова, какой она не раз бывала в истории.

*Василий Колташов, руководитель Центра политэкономических исследований
Института нового общества*

Коронавирус и цены на мировых рынках Март 11, 2020

Эпидемия коронавируса – явление теперь уже глобальное. Влияет она не только на здоровье и жизнь граждан – социальную сторону жизни мирового сообщества, – но и на экономическую. Причем влияет крайне ощутимо.

Почему коронавирус меняет цены

Происходит это по трём причинам:

- предприятия, причем не только в Китае, уменьшают рабочий день или вовсе останавливаются. Часть сотрудников не выходит на работу по разным причинам. То есть эффективность производства товаров и услуг сокращается. А также Китай, являясь одним из ключевых участников глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС), выпадает из них, парализуя работу ТНК;
- из-за опасности передачи коронавируса через упаковку некоторые товары уже не экспортируются из Китая, Кореи (проойдет ли так с другими странами, будет зависеть от географии распространения болезни и успешности борьбы с ней);
- психологические ожидания партнеров по бизнесу и клиентов заставляют их менять отношение к бренду, стране происхождения товара.

Товары из Китая становятся автоматически «менее надежными» из-за конкретной болезни. В связи с этими причинами можно подразумевать ажиотаж в СМИ по поводу возникшего значительного количества заболевших одинаковым вирусом людей в попытке подорвать экономическую мощь китайской экономики. Темпы её развития, рост ВВП уже замедлились.

Цены на какие товары поменялись из-за коронавируса

Некоторые товары дорожают: золото как главный инвестиционный товар кризисов, сталь, электроника, смартфоны, автозапчасти низкого ценового сегмента и другие. Ряд товаров дешевеет: нефть, конечная продукция из стран с высокой долей экспорта энергоресурсов, сельскохозяйственное сырье, прежде всего зерновые и бобовые культуры, медь, никель и алюминий. Все из-за того, что спрос со стороны Китая на эти товары падает, а предложение остается на прежнем уровне. Значит, равновесная цена становится меньше.

Влияние коронавируса на рынок нефти

Нефть – товар, с одной стороны, реальный, использующийся производителями нефтепродуктов, топлива, транспортными компаниями, с другой – инвестиционный с обилием деривативов, образующих огромный внебиржевой рынок. Китай является крупнейшим импортером нефти в мире – в 2018 году 15,5% всей нефти купил Китай. Больше импортировал лишь ЕС (без разделения по странам) – 21,2%. Помимо этого, Китай обладает вторыми по объему мощностями нефтепереработки – 16 млн баррелей в день, больше только у США – 19 млн баррелей в день, на третьем месте – российский нефтепром – 6,5 млн баррелей в день.

Когда китайские власти из-за карантина для предотвращения распространения коронавируса останавливают заводы, продлевают каникулы, рынок нефти серьезно меняется. Это происходит по нескольким направлениям:

- порты приема танкеров с нефтью;
- покупка её перерабатывающими заводами приостановлена или снижена, так как сами заводы не работают.

Это приводит к увеличению запасов нефти в Китае, необходимости перенаправления транспортных потоков грузоотправителями из других стран. Поставки удлиняются по времени, увеличивается стоимость таких поставок, но не для потребителя, а для экспортера нефти. Спрос Китая на нефть упал как минимум на четверть по сравнению с обычным из-за остановки заводов на карантинные каникулы. Из-за коронавируса количество поездок и поставок по всему миру уменьшилось в разы, а значит, уменьшилось и потребление топлива – главного товара и продукта нефтепереработки.

Цены на нефть упали до годового минимума ниже \$54 за баррель. Механизм простой: спрос резко уменьшился, предложение осталось прежним, так как ОПЕК+ пока не договорились о снижении объемов добычи. Значит, и цена упала – цена на природный газ, главный субститут нефти, падает, так же как падают и объемы поставок, экспортеры газа стараются приостановить контракты на поставку, что ещё больше подстегивает вниз цену на нефть.

Цена на топливо падает вместе с ценой на нефть. Это значит, что страны, в основном экспортирующие энергоносители, например Индия, смогут снизить цены на свою продукцию, чтобы увеличить её конкурентоспособность на мировом рынке. С января в США начали закрываться нефтеразработки. Количество действующих буровых установок только в Техасе сократилось до 398 по сравнению с 556 в октябре 2019 года.

Таким образом, вспышка заболеваемости коронавирусом стала для мирового рынка нефти «черным лебедем» – событием с достаточно негативными последствиями, причем крайне невероятного и сложного для прогнозирования. То резкое падение цен на нефть, которое произошло после разрыва сделки ОПЕК, во многом объясняется тем, что рынок уже был ослаблен фактором эпидемии.

Валерия Минчичова, доцент Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве РФ

Константин Бабкин: «Из кризиса будем выходить тяжело»

О том, что происходит с бизнесом во время коронавирусного кризиса, «Инвест-Форсайт» расспросил бизнесмена Константина Бабкина. Он – один из совладельцев «Ростсельмаша». Недавно было объявлено, что по итогам 2019-го года акционеры получили серьезные дивиденды. Большую часть которых Бабкин, впрочем, планирует направить на развитие бизнеса.

«Ростсельмаш» оказался в привилегированном положении

– Дивиденды за прошлый год, это, конечно, приятно. Но какие потери ожидаете в связи с сегодняшним кризисом?

– «Ростсельмаш» работает, из 12000 сотрудников человек 300 отправлено на домашнюю работу – матери-одиночки, люди пожилого возраста... В общем, все те, кто находится в группе риска.

– Вы зарплату им сохранили?

– Да.

Остальные 11700 человек продолжают работать: сельхозмашиностроение (и, в частности, «Ростсельмаш») отнесены правительством к категории стратегически важных предприятий, связанных с производством продовольствия, с проведением посевных работ. Поэтому нам разрешено работать. В этом смысле производители сельхозтехники сегодня в привилегированном положении.

А вот сколько еще будем работать, непонятно.

– Почему?

– Зависит от решения правительства, но не только. Не в меньшей степени это зависит и от поставщиков, от того, как они будут работать.

– Вы сейчас говорите о российских, или о зарубежных поставщиках?

– Обо всех. Например, китайские заводы нам поставляют двигатели для некоторых моделей. Они стояли 1,5 месяца. Правда, вот уже вторую неделю, как снова запущены. В целом мы сегодня не ждем от Китая осложнений.

А вот европейские заводы (германские, итальянские), которые поставляют нам редукторы и элементы гидравлики на некоторые модели, стоят глухо. И непонятно, когда они будут запущены. Более того, в Европе закрыты и границы для перевозок грузов.

– Сколько «Ростсельмаш» сможет продержаться без новых поставок?

– Боюсь, если европейцы в течение месяца не начнут производить комплектующие, это может вызвать у нас перебои.

Но ведь есть еще и российские поставщики, которые тоже сейчас стоят. И если они простоят еще неделю, это тоже вызовет перебои, причем, не только на «Ростсельмаше», но и на других отечественных предприятиях, которые так же производят сельхозтехнику.

Правда, эта проблема постепенно решается: Минпромторг реагирует оперативно, созванивается с губернаторами. Те в свою очередь разрешают начать работу некоторым предприятиям, которые производят продукцию, критически важную для производства сельхозмашин.

Заменить импортные комплектующие на свои можем, но надо время

– Что вы заказываете у отечественных компаний?

– Да все практически: 5 тысяч фирм поставляют нам металл, краску, резинотехнические изделия, двигатели, электронику, стекла, сиденья для кабин...

– Так почему мы не можем заменить немецкие редукторы нашими? Или мы их не умеем делать?

– Какие-то можем. А в некоторых случаях едва ли сможем быстро заменить импортную продукцию отечественной, это потребует год-полтора активной работы.

Но, знаете, ситуация не столь уж критична, и в посевную мы уж точно крестьянам неприятностей не принесем. По большому счету, необходимая хозяйствам техника уже произведена. И мы готовы не только ее поставить, но и обслуживать.

– А она будет, посевная-то?

– Скажу больше – она уже почти завершается. Я только что ездил по полям – все идет полным ходом. Обрабатывают почву, сажают... Надеюсь, до осени коронавирусная история завершится, и жизнь вернется в нормальное русло. Думаю, и с уборочной кампанией все будет хорошо.

– Кроме того, что вы один из совладельцев «Ростсельмаша», вы еще и лидер партии «Дело», среди членов которой много средних и мелких бизнесменов. Как дела в этом сегменте экономики?

– Во многих отраслях очень нервная обстановка. Так, все очень печально, скажем, на тех производствах, где производят дорожно-строительную технику. Многим предприятиям не разрешено работать. К тому же у них те же проблемы с поставщиками, которые я уже перечислил. На все это накладывается еще и падение цен на нефть. Нефтяники и газовики обнулили заказы на технику, остановив свою модернизацию. И в этой отрасли перспективы неясны не только на ближайшие месяцы, но и на следующий год.

Очень большие проблемы и у самозанятых. У нас в партии «Дело» состоят не только предприниматели. Многие из наших членов – дальнобойщики, фитнес-тренеры, торговцы цветами или одеждой, таксисты... Те, кто получает в зависимости от сделанного. Они сейчас сидят по домам, их никто не обещает поддержать и хоть как-то возместить выпадающие доходы... А у них дети, кредиты, другие расходы. В общем, все очень грустно.

Правительство не готово сменить экономический курс

– Как вы оцениваете те меры, которые предпринимает кабмин?

– Мне кажется, карантин был объявлен слишком резко и не избирательно. Зачем было «чесать» всех под одну гребенку? Сейчас власти, впрочем, постепенно разрешают некоторым компаниям работать.

Чего не хватает? На месте правительства я был бы щедрее. Государство накопило огромные средства в Фонде национального благосостояния. И чтобы поддержать людей можно было бы выплатить трехмесячный оклад тем россиянам, у кого небольшие доходы, – по примеру руководителей других стран.

А в целом мне бы хотелось, чтобы власти использовали этот период для того, чтобы сменить экономический курс. Переставить акценты, объявив наконец, что главное – не борьба с инфляцией, не накопление на зарубежных счетах, а своя гибкая сильная экономика. Ведь только она является залогом устойчивости страны к любым кризисам.

А это значит снизить налоги. Изменить политику Центробанка, чтобы она стала более комфортной для тех, кто занимается производством в России. Поддерживать наших производителей на внутреннем, на внешнем рынках.

В общем, развивать свою экономику, чтобы она могла адаптироваться к любым условиям, и уметь быстро производить хотя бы те же необходимые препараты или защитные средства...

Впрочем, я уже лет 20 твержу одно и то же: если будет продолжаться экономический курс, который не нацелен на собственное развитие, мы так и будем жить бедно. И любые колебания в мировой экономике, на нефтяных и иных сырьевых рынках, будут весьма болезненно на нас сказываться. Как, собственно, и происходит!

– Есть шанс, что по итогам этого кризиса что-то изменится в этом смысле?

– Боюсь показаться пессимистом, но пока не видно признаков того, что нынешний кризис повлияет на мнение людей, принимающих в правительстве решения. Не слышно ни про снижение налогов, ни про то, что деньги будут возвращать в страну, ни про снижение ключевой ставки...

Думаю, кризис будет затяжным, и выходить из него придется с боями. Тем более, что к трудностям собственно кризиса добавляется и падение цен на нефть... На мой взгляд, страна не скоро вернется к докризисному уровню благосостояния. И к этому надо быть готовыми.

Елена Скворцова

«Ужо тебе»: бизнес Санкт-Петербурга и пандемия Апрель 9, 2020

В РФ зарегистрировано около 6 млн частных компаний, из них около 362 тыс. – в Санкт-Петербурге. Однако в связи с пандемией коронавируса с рынка могут исчезнуть до 50% ресторанов и кафе. Сильно страдает сфера развлечений, туризм, гостиничный бизнес, торговля. Если ситуация не изменится, через 2—3 месяца компании ожидает череда банкротств.

Влияние пандемии

30 марта губернатор Санкт-Петербурга Александр Беглов подписал постановление о введении режима полной самоизоляции. Изначально предполагалось, что он продолжит действовать до 6 апреля. Однако затем срок продлили до 30 апреля. Подобную меру приняли из-за стремительного распространения коронавируса в России.

Ограничения затронули бизнес. Часть компаний вынуждена временно прекратить деятельность. Рестораны и кафе работают только на доставку. Магазины перешли на удаленную торговлю. Фитнес-клубы потеряли до 95% выручки. Страдают туроператоры, представители сферы развлечений. Рестораторы отмечают снижение прибыли на 30—90%.

Ломбарды Петербурга из-за коронавируса потеряли около 90% клиентов. Однако представители организации не исключают, что количество возрастет, как только эпидемия пойдет на спад. Услуги ломбардов понадобятся людям, которые потеряли работу или столкнулись с существенным сокращением заработка.

Без клиентов остались такси. Перевозчики ожидали, что пандемия спровоцирует ажиотажный спрос на рынке. Однако возникла прямо противоположная ситуация. Спрос снизился на 30%. Эксперты уверены, что ситуация вызвана самоизоляцией. Многие жители перешли на удаленную работу, прекращение авиасообщения привело к тому, что люди перестали ездить в аэропорт.

Невозможность спрогнозировать дальнейшее развитие ситуации, сообщения о грядущем кризисе, отсутствие выручки, потребность в выплате заработной платы сотрудникам при отсутствии доходов вынуждает часть компаний закрыться уже сейчас. Однако большинство организаций ещё держится.

Президент группы компаний RENTA Артем Гудченко настроен относительно оптимистично. Он считает, что под угрозой закрытия находится только треть заведений, и отмечает, что в первую очередь прекратят деятельность заведения, у которых нет запаса прочности. Это небольшие компании, работающие в спальных районах. Организации, функционирующие в центре, также столкнутся со сложностями, но смогут выдержать кризис.

Реакция компаний

Большинство компаний подчинилось распоряжению и временно прекратило деятельность. Однако некоторые непродовольственные магазины продолжили работать. «Леруа Мерлен» не стал закрывать торговые точки в Петербурге. Некоторые организации сумели грамотно обойти запрет. «Эльдорадо» и «М. Видео» реализуют технику в режиме онлайн. Торговые точки работают только на выдачу товаров. В «Максидоме» продают только товары первой необходимости.

Специалисты отмечают, что ритейлеры игнорируют запрет из-за относительно небольших штрафов и противоречий в законах. За несоблюдение требований потери меньше, чем от простоя. Однако власти пытаются воздействовать на компании, заставляя их прекратить

деятельность до снятия режима самоизоляции. На фоне пандемии возросла популярность удаленной работы. Все компании, которые могут работать с персоналом без фактического контакта, временно отказываются от офисов и отправляют сотрудников домой. Взаимодействие осуществляют посредством онлайн-конференций и дистанционного документооборота. Число вакансий удаленной работы увеличилось на 71%. Не всем привычен такой формат, однако многие компании учли его преимущества и в последующем начнут применять на постоянной основе. А владельцев бизнеса в Петербурге и Ленинградской области обвиняют в социальной безответственности, так как никто из них не помог в борьбе с пандемией.

Вопрос аренды

Остро встал вопрос о платежах за аренду. Отсутствие доходов не позволяет компаниям своевременно производить расчёт. Правительство анонсировало ряд мер, призванных облегчить ситуацию. В частности, было предложено предоставить отсрочку по арендным платежам за государственное и коммерческое имущество. Такое заявление сделал премьер-министр РФ Михаил Мишустин.

Дополнительно правительство ведет работу с арендодателями через региональные власти. Действия направлены на то, чтобы владельцы недвижимости не повышали ставки аренды и предоставили арендодателям отсрочку. В свою очередь государство готово предложить хозяевам объектов отсрочку по уплате налога на имущество. Предполагается, что поддержка будет предоставлена арендодателям, которые в свою очередь пошли навстречу арендаторам. Однако пока мера находится в разработке. Эльдар Кабиров, совладелец «Пицца 22 см», уверен, что компании в текущей ситуации должны попробовать самостоятельно договориться об арендных каникулах. По его мнению, это поможет бизнесу остаться на плаву.

Просьбы бизнеса

Представители бизнеса понимают сложность ситуации и стремятся повлиять на своё положение. Так, рестораторы подготовили петицию с просьбой не обрекать их на банкротство. Документ направлен губернатору Петербурга Александру Беглову.

Петицию подписало свыше 30 рестораторов. В документе они попросили официально признать распространение коронавируса обстоятельством непреодолимой силы и освободить от уплаты налогов, включая НДФЛ и страховые взносы. Предполагается, что меры поддержки будут действовать в течение полугода с даты отмены ограничений, установленных федеральными и региональными властями.

Дополнительно предприниматели просят предоставить отсрочку на оплату коммунальных услуг, отменить плату за размещение на период сезона работы летних кафе и веранд, а также не проводить надзорно-контрольные мероприятия до конца 2020 года. Параллельно петицию разместили в интернете. Ее подписало свыше 20 000 человек.

Управляющий партнер Legal to Business Светлана Гузь уверена, что подобные меры поддержки не противоречат нормам действующего законодательства. Однако принятие подобных мер приводит к возникновению определенного конфликта интересов между арендаторами и арендодателями. Но признание коронавируса форс-мажорным обстоятельством облегчит ситуацию.

Меры поддержки

Государство и город в частности заинтересованы в развитии бизнеса. Поэтому правительство и власти Санкт-Петербурга принимают ряд мер для оказания помощи. На федераль-

ном уровне правительство предоставляет шестимесячные отсрочки по налогам, кроме НДС, пролонгирует кредиты на полгода. Для микропредприятий установлена отсрочка по страховым взносам. Для малых и средних компаний ставка снижена в 2 раза. Дополнительно вводится мораторий на банкротство. В течение полугода кредиторы не имеют право инициировать признание несостоятельности. Дополнительно будут скорректированы сроки госзакупок.

По поручению премьера Мишустина в ближайшее время подготовят дополнительные меры. Будет запущена программа субсидирования кредитов с нулевой ставкой. Основным условием получения займа выступает сохранение численности работников. Полагается, что необоснованные увольнения приведут к тому, что ставку повысят. На стадии проработки находится отсрочка арендной платы. В бюджете предусмотрено 18 млрд руб. на поддержку малого и среднего бизнеса. Эти деньги перенаправили с учетом сложившейся ситуации. Создана специальная комиссия и штаб, ежедневно корректирующие действия по оказанию помощи предпринимателям.

Город также не остался в стороне. Выделено 4,5 млрд руб. на поддержку бизнеса. Уже предоставлена субсидия на поддержание зарплаты не меньше минимальной. Дополнительно действует отсрочка по уплате аренды имущества, находящегося в собственности города. В последующем меры поддержки планируется расширить. Власти уверены, что предпринимаемые действия позволят большинству компаний остаться на плаву.

Кристина Фирсова

COVID-19: как интернет, только намного опаснее

Март 28, 2020

Влияние COVID-19 на бизнес сопоставимо с появлением интернета. Их роднят беспрецедентные возможности, связанные с распространением и воздействием на массовую аудиторию.

«Диджитализация» больно ударила по традиционным секторам бизнеса, которые не спешили или сопротивлялись выходу из зоны комфорта в онлайн. В итоге конкуренция вынудила большинство компаний принять новые правила игры.

Пандемия коронавируса стала последним гвоздем в гроб противников перехода на цифру. Интернет-магазины, мобильный банкинг, стриминговые платформы и многие другие аналогичные сервисы доказали не только живучесть в условиях пандемии, но и превосходство с аналоговыми секторами бизнеса с точки зрения роста доходов, объемов оказываемых услуг и т. п.

Вспышка коронавируса показала, в чем в первую очередь нуждается массовый потребитель: за что он готов доплачивать и чем жертвовать?

За собственную безопасность. За товары и услуги без коронавируса. За индивидуальные средства защиты, которые действуют не по принципу плацебо, а реально гарантируют 100% вирусную неприкосновенность дома, на улице, на работе. И позволяют сохранять привычный образ жизни и коммуникаций. В карантине мало приятного...

Следовательно, предприниматели, маркетологи, дизайнеры приложат максимум усилий, чтобы максимально обезопасить свои товары и услуги на случай новой пандемии.

В результате обязательно появятся смежные отрасли по производству безопасной противовирусной упаковки всего и всех. Изменятся принципы и способы доставки товаров со складов и магазинов потребителям. Без использования курьеров в их нынешнем виде. На смену им придут роботы, дроны, терминалы (те, что сейчас есть у интернет-ритейлеров).

Производители одежды и обуви задумаются о массовом пошиве дешевых, модных и удобных в эксплуатации противовирусных средств индивидуальной защиты. Из новых искусственных материалов, какие сейчас используются только для нужд космической и военной отраслей.

Производителям продуктов питания также в массовом порядке придется тестировать и запускать в производство продукцию с более длительными сроками хранения и намного более компактной с точки зрения складирования и эксплуатации. Как у тех же космонавтов или военных...

Бизнес вынужден будет сделать не просто акцент, а ставку на личную безопасность потребителей. Меры крайне сложные, дорогие, но, безусловно, вынужденные.

Оцифровка – это гарантия безопасной бесконтактной доставки. Та продукция и услуги, которые лишены возможности уйти в цифру, должны обзавестись таким же безопасным и удобным средствами доставки, но только офлайн. Это один из ключевых трендов на ближайшие 15—20 лет. Чтобы новый всплеск эпидемии не привел к еще более разрушительным последствиям для бизнеса и человечества.

Игорь Пылаев, сопредседатель комитета «Деловой России» по развитию индустрии кино и телевидения

Работодатели избавились от розовых очков Апрель 22, 2020

Вот уже почти месяц значительная часть российских компаний ведет свой бизнес в формате частично или полностью удаленной работы. И уже можно поговорить о том, что за это время поняли бизнесмены и как этот опыт скажется на кадровом рынке.

Власть IT

В конце марта – начале апреля компания ANCOR провела исследование актуальных задач HR-директоров компаний из разных отраслей. Выяснилось, что 53% респондентов зафиксировали спад в бизнесе, 34% не заметили каких-либо изменений, а 13% продолжают рост. По типу реагирования HR-подразделения поделились на «пессимистичных», «уверенных» и «растущих».

66% респондентов никогда не рассматривали возможность удаленной работы для своих сотрудников, и только 36% из них оперативно подстроились под ситуацию. Это именно те компании, которые еще задолго до кризиса инвестировали в диджитализацию всех процессов. «На коне» остались те, кто был готов к удаленной работе. Остальным придется спешно наверстывать упущенное, если хватит ресурсов.

Последние несколько лет в HR-сообществе активно обсуждалась тема замены людей технологиями. Разразившийся на фоне пандемии кризис дал новый толчок этому тренду. Все, что можно технологизировать, будет переведено в цифру.

Для кадрового рынка это значит, что существенно повысится спрос на IT-специалистов, причем не только со стороны IT-компаний, но и со стороны бизнеса, который задумал автоматизировать бизнес-процессы по максимуму.

Бизнес открывает глаза

За месяц внеофисных трудов удаленная работа лишилась практически всех окружавших ее мифов. Те, кто панически боялся удаленки, осознали, что так работать вполне можно. Те, кто ее идеализировал, столкнулись с реальными сложностями и поняли, что удаленка хороша не всегда и не для всех.

У бизнеса спали и розовые, и черные очки, что само по себе прекрасно. Теперь владельцы компаний и кадровики могут беспристрастно, на реальном опыте, оценить плюсы и минусы удаленной работы для бизнеса.

Для кадрового рынка это означает, что, во-первых, после окончания карантина пойдет «откат», многие захотят вернуться в офисы. Во-вторых, доля вакансий с предложениями работать из дома все-таки увеличится.

Меньше офисов

Опыт удаленной работы позволил компаниям пересмотреть свои потребности в офисных площадях. Экономический кризис заставляет очень бережно относиться к деньгам, поэтому если часть сотрудников компании может эффективно работать дома, то нечего тратить средства на рабочие места в офисах.

Можно предположить, что значительное число компаний создаст универсальные рабочие места в среднем для 80% сотрудников и придумает гибкие графики присутствия людей в офисе. Цифра может колебаться в зависимости от отрасли. Например, IT-компании, креа-

тивные и PR-агентства давно научились экономить на площадях. Теперь за ними подтянутся другие отрасли.

Сокращение жира в пользу мышц

Работа дома для многих сотрудников оказалась проверкой на эффективность и стрессоустойчивость. Работодатели в свою очередь за месяц смогли реально оценить своих сотрудников: кто умеет организовывать свой труд и добиваться результатов, а кто выступает балластом. Это повлекло за собой оптимизацию количества персонала. По данным исследования, если до марта эта задача входила в топ-3 у 21% респондентов, то в апреле она стала одной из главных уже для 41%. Бизнес сокращает «жир» и наращивает «мышцы»: в цене будут те кадры, эффект от работы которых компании могут быстро почувствовать. Пожалуй, личные KPI еще никогда не были так важны.

Рынок работодателя

Кадровый рынок всегда отражает состояние экономики. А в ней уже начались огромные перемены. За месяц карантина люди осознали, без какого количества товаров и услуг они спокойно могут обходиться. Как выяснилось, вполне можно жить без покупки очередной вазочки или коврика, да и одежды с косметикой, в сущности, не так уж много надо. Если до кризиса отказ от чрезмерного потребления был модным трендом у определенной части населения, теперь это мейнстрим.

Подобный тренд приведет к значительному сокращению вакансий, например, в ритейле. NoReCa и туризм тоже не скоро оправятся от карантина.

В целом можно говорить о том, что в обозримом будущем на кадровом рынке будет править работодатель. Соискатели будут конкурировать за рабочие места, а компании – выбирать лучших. Для соискателей теперь самое время научиться грамотно писать резюме и потренироваться проходить собеседования.

Конечно, постепенно ситуация изменится. Но времени потребуется много, а уроки удаленки навсегда останутся с нами.

Алексей Миронов, вице-президент по операционному управлению международной компании ANCOR

Государственная политика на фоне пандемии

Удастся ли залить кризис деньгами?

Март 18, 2020

Правительство и Центробанк обнародовали пакет антикризисных мер, призванных в первую очередь минимизировать ущерб от распространения коронавируса. Также созданы координационный совет и оперативные региональные штабы для мониторинга ситуации и реагирования на нее. На первоочередные меры поддержки отраслей и населения планируется выделить до 300 млрд рублей.

Лечение до диагноза

Взвесить роль факторов, сформировавших кризисную ситуацию, – последствия ли это исключительно коронавируса, обвала ли нефтяных цен или же общего тренда на замедление мировой экономики – еще предстоит. Но даже в отсутствие четкого диагноза российские власти начали принимать меры.

«Создание системы реагирования на уровне органов госуправления, формальных антикризисных институтов – безусловно, положительные действия», – оценивает главный экономист БКС Владимир Тихомиров.

«Абсолютный позитив в том, что правительство разрабатывает конкретные меры поддержки экономики, а не делает вид, будто никакого кризиса нет, а все происходящее – временное явление», – отмечает директор Центра структурных исследований института им. Е. Т. Гайдара Алексей Ведев.

В антикризисном правительственном пакете выделены три направления приложения сил: поддержка финансовой стабильности, поддержка отраслей и поддержка населения и регионов (возможно, региональный аспект позже будет выделен как отдельный).

Субсидии для транспорта и оплата больничных

Меры по поддержанию финансовой стабильности были запущены прежде формирования официального антикризисного пакета: это и валютные интервенции ЦБ, и отмена бюджетного правила, и отказ от аукционов по размещению ОФЗ. 13 марта ЦБ ввел послабления в части коэффициентов риска для банковских заемщиков из медицинской отрасли, производящих лекарства, оборудование и проч. Эксперты не исключают дополнительных шагов по либерализации банковского регулирования.

В качестве основных получателей отраслевой поддержки выделены две отрасли, наиболее – и напрямую – пострадавшие от распространения коронавируса: авиационный транспорт и туристическая сфера. Для них предусмотрена отсрочка налоговых платежей; правительство также готово предоставлять банкам гарантии по реструктуризации кредитов компаний из этих отраслей, а ЦБ – разрешить банкам не ухудшать качество ссуд таких заемщиков.

Еще одним бенефициаром господдержки назван сегмент МСБ: предполагается расширить программы кредитования, а также выделения субсидий для малых и средних предприятий, ввести для них отсрочки уплаты арендных платежей, либерализовать возможность рефинансирования кредитов. К поставщикам, заключившим госконтракты, но попавшим под ограничительные меры в связи с коронавирусом, не будут применять штрафные санкции.

На пополнение запасов социально значимой продукции ритейлерам готовы предоставлять краткосрочные кредиты на льготных условиях, а в принципе для таких товаров предполагается обнулять импортную пошлину и открывать «зеленый коридор» на таможне.

В социальной части пакета – поддержке населения – анонсированы авансовые выплаты по больничным листам тем, кто оказался на карантине.

Нужны деньги, неважно куда

Значимость заявленных мер отраслевой поддержки эксперты склонны трактовать шире – как в принципе переход к стимулирующей экономической политике.

«Вспоминаются взаимные упреки между Минэкономразвития, Министерством финансов и ЦБ осенью 2019 года. Тогда ЦБ полностью отрицал необходимость стимулирующих мер для российской экономики, равно как и Минфин настаивал на ограничении расходов. Сейчас совершенно очевидно, что правительство перешло к стимулирующей политике в отношении экономики: об этом можно судить хотя бы по тому, что расходы бюджета за январь-февраль этого года оказались на 25% выше, чем за аналогичный период 2019-го», – указывает Алексей Ведев.

Впрочем, дьявол, как всегда, в деталях. Точнее – в отсутствии детализации.

«При общем позитиве от оперативного реагирования остаются непонятными детали, механизмы поддержки», – отмечает Алексей Ведев.

Так, представители авиационной и туристической отраслей уже высказали сомнение в достаточности такой меры, как отсрочка уплаты налогов: непонятно, о каких конкретно налогах и каком периоде отсрочки речь. Непонятно также, какие сегменты МСБ смогут рассчитывать на льготное кредитование. Владимир Тихомиров из БКС предполагает, что речь прежде всего может идти о представителях туристического бизнеса и смежных с ним секторов:

«Под ударом ведь не только туристическая отрасль, но и гостиничный бизнес, и транспортные компании, и рестораны, „завязанные“ на туристов. Важно не допустить массовой безработицы в этом сегменте, предоставить компаниям средства для выплаты зарплат и пособий».

Но это – лишь экспертные суждения о «наполнении» антикризисных мер. И подобных лакун достаточно.

«Например, непонятно, каким образом будут быстро и просто кредитоваться либо предприятия и отрасли, либо население, столкнувшиеся с проблемами, – под какие процентные ставки, под какие залоги. Ясно, что экономические власти, прежде всего ЦБ, будут давить на финансовых агентов с целью оптимального упрощения процедур оказания помощи. Тем более что эти агенты все „свой“, госбанки. И, конечно же, вместе с обязательствами льготного кредитования они возьмут себе еще в большем объеме льготное финансирование. Они в убытке не останутся, это понятно. Вопросы вызывает реализация мер по логистике. Неочевидно, как на фоне практически тотального перекрытия границ будет действовать „зеленый коридор“ для товаров первой необходимости. Идея понятна, но, зная нашу разворотливость, я сомневаюсь, что это будет четко работать», – отмечает Алексей Ведев.

Неочевидна и всеохватность мер по поддержке населения. Так, госкомпаниям можно отдать распоряжение оплачивать больничные листы авансом, а вот частным компаниям – только рекомендовать.

Хватит ли резервов?

Но самый большой вопрос – это глубина и продолжительность кризиса, вероятность и интенсивность появления потенциальных очагов «пожара», которые нужно будет тушить, а следовательно, объем средств, который может для этих целей понадобиться. Эксперты еди-

нодушны в одном: предварительно обозначенной суммы в 300 млрд руб., скорее всего, окажется недостаточно.

«Властям достаточно сложно спрогнозировать, насколько сильным будет падение экономики и бюджетных доходов, но ясно, что эффект будет очень серьезным, поэтому вероятно, что после проработки правительство будет инициировать новые меры (комплекс мер), которые потребуют более существенных расходов», – считает макроаналитик Райффайзенбанка Станислав Мурашов.

«Основные проблемы в том, что не видно, где дно и каковы параметры кризиса, с которым мы столкнулись. Помимо коронавируса, это прежде всего шок [HYPERLINK "https://www.if24.ru/kto-zarabotaet-na-obvale-rublya-i-neftyanyh-tsen/"](https://www.if24.ru/kto-zarabotaet-na-obvale-rublya-i-neftyanyh-tsen/) \t "_blank» от нефтяных цен. Поэтому представляется, что те 300 млрд рублей, которые зарезервированы сейчас на купирование последствий кризиса, – это достаточно ограниченная сумма, и я уверен, что она будет увеличена. Также непонятно, насколько этот кризис поддается заливанию деньгами, по аналогии с 2009-м», – отмечает Алексей Ведев.

К тому же по опыту прошлых кризисов известно, что сколько ни вкачивай средств в антикризисные меры, их все равно не хватает на всех. И всегда остаются проигравшие.

Марина Тальская

Анатолий Аксаков: Государство подставит банкам плечо Апрель, 14, 2020

Учитывая стратегические запасы государства в виде золотовалютных резервов, Фонда национального благосостояния и других активов, Россия должна пройти пандемию с меньшими потерями по сравнению с большинством стран мира. О том, как влияет пандемия коронавируса на банковский рынок, и какие выводы этот сегмент экономики сделает из нее, о ситуации с кредитами, вкладами и процентами деловому изданию «Инвест-Форсайт» рассказал глава комитета Государственной думы РФ по финансовому рынку, председатель Совета Ассоциации банков «Россия» Анатолий Аксаков.

– Как Вы считаете, насколько серьезное влияние пандемия коронавируса может оказать на банковскую сферу?

– Прежде всего хочу сказать, что банковская сфера России к этому кризису подошла достаточно крепкой и здоровой. Благодаря очищению от недобросовестных участников рынка, благодаря тем требованиям, которые Банк России предъявлял к кредитным организациям. Банки усовершенствовали модели управления, осваивали новые технологии, распределяли риски, накопили достаточный запас средств. С этой точки зрения банковская система оказалась готовой к этим испытаниям.

С другой стороны, понятно, что банки – это часть экономики. И если какая-то часть экономики страдает, то это негативно сказывается и на банках. Если клиенту плохо, то клиенту тоже не может быть хорошо.

– Сегодня ряд банков предлагает свои, более расширенные параметры кредитных каникул. Скажите, может ли это привести в дальнейшем к серьезному росту процентов по кредитам, например?

– Ликвидности, запасов капитала пока точно хватает. Понятно, что проблема, которая сейчас решается с помощью кредитных каникул, отодвигает проблемы заемщиков. Но, с другой стороны, она создает проблемы банкам, так как проценты не возвращаются, а выполнять обязательства перед вкладчиками и другими кредиторами банки обязаны.

Становится очевидно, что все свои запасы банки будут вынуждены направлять на решение этих проблем. Ну и пока запас прочности хороший, он позволяет эти проблемы решать, однако банки будут все равно, ориентируясь на рынок, на инфляционные процессы, повышать проценты по вкладам и проценты по кредитам.

Это будет незначительное повышение. Я думаю, что отклонение процентов в сторону роста будет небольшим по отношению к тому уровню, который сложился в феврале. И если, скажем так, пандемия не затянется и экономика, и российская, и мировая, начнет восстанавливаться, я рассчитываю, что в итоге больших отклонений не будет.

– Moody's и Fitch из-за коронавируса ухудшили прогноз по российским банкам до негативного. Это очень плохо для нас или сейчас весь мир в такой же ситуации и поэтому в среднем ничего страшного не произойдет?

– Понятно, что это неприятный сигнал. В определенной степени объективный, но сейчас действительно в похожей ситуации находится вся мировая экономика, причем, учитывая стратегический запас государства (золотовалютные резервы, Фонд национального благосостояния, ликвидные активы государства), можно говорить, что мы пройдем этот непростой период с меньшими потерями, чем большинство других стран мира.

И если банковская лодка начнет крениться, то государство подставит плечо и у государства есть для этого рычаг в виде тех запасов, о которых я говорил.

– По данным банка России на 1 марта в нашей стране насчитывалось 396 банков. Как Вы считаете, насколько серьезно пандемия может проредить рынок? Изменить его с точки зрения перегруппировки и укрупнения?

– Любой кризис это очевидно испытание для банков, как и вообще для любого бизнеса. И понятно, что его не все могут выдержать. Но я еще раз подчеркну, что к нынешней ситуации банковская система подошла как никогда прочной и здоровой. Конечно, могут быть проблемы у тех, кто вел рискованную политику и до этого, не всегда соблюдал требования Банка России.

– Какие выводы должен сделать «банковский рынок» из этой пандемии?

– Беда может прийти внезапно и всегда нужно быть готовым к самым неожиданным поворотам. Есть объективные экономические законы, а есть еще и аспекты жизни и деятельности человека, которые влияют на них самым неожиданным образом.

– А как конкретно к ним быть готовым, что нужно предпринимать?

– Реализовывать такую бизнес-модель, которая позволяет при любых условиях не крепить банковскую лодку на одну сторону. Это как раз не-концентрация всех ресурсов на одном бизнесе и одном направлении – риски должны быть распределены. Это главное золотое правило, которое позволяет быть готовым к любым столкновениям.

И, конечно, осваивать новые технологии и через их освоение диверсифицировать риски, распределять их, чтобы лодка шла ровно, а не на одном боку.

Тарас Фомченков

Как регионы тормозят свою экономику Апрель 23, 2020

«Инвест-Форсайт» предлагает вниманию читателей подготовленный «Институтом экономики города» анализ того, какие ограничения на экономическую деятельность вводят российские регионы в связи с эпидемией коронавируса и как жесткость этих ограничений связана с состоянием экономики региона.

Как известно, в соответствии с Указом президента «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» главам российских регионов были предоставлены полномочия по определению дополнительных видов деятельности, которая может быть продолжена в условиях пандемии. Таким образом, субъекты Российской Федерации получили право варьировать степень жесткости ограничений на ведение экономической деятельности на своей территории.

Любопытно, что уже ранее проведенное фондом «Институт экономики города» исследование показало: степень жесткости вводимых регионами ограничений на экономическую активность не связана с эпидемиологической ситуацией в этих регионах. Как пишут исследователи: «Существенной корреляции рассматриваемых факторов выявлено не было».

Но, может быть, жесткость вводимых ограничений связана с состоянием экономики региона? Для того чтобы оценить состояние региональной экономики, сотрудниками фонда был разработан особый показатель, равный среднему значению суммы нормированных от 0 до 1 душевых значений трех базовых экономических показателей регионов: валового регионального продукта, уровня занятости и уровня доходов населения (по состоянию на 01.01.2019). Выбор именно этих показателей ученые объясняют повышенной актуальностью рисков роста безработицы и снижения уровня доходов населения на фоне прочих социальных рисков.

Исходя из этого индикатора были выделены три группы регионов: с относительно более развитой экономикой (значение индикатора превышает 0,39), со среднеразвитой экономикой (0,35—0,39) и с относительно менее развитой экономикой (ниже 0,35).

Аналогично, на три группы, регионы были поделены исходя из оценки степени жесткости ограничений, наложенных на деятельность экономических субъектов правовыми актами органов государственной власти субъекта РФ (по состоянию на 13 апреля). В качестве «мерила» степени жесткости использован показатель числа дополнительных разрешенных видов экономической деятельности – чем его значение больше, тем ниже степень жесткости.

Исходя из сочетания уровня экономического развития и степени жесткости ограничений было выделено 6 типов регионов.

Большинству регионов свойственны «крайности» избранного подхода: либо вовсе не ослаблять или минимально ослаблять ограничения, установленные Указом №239, либо, напротив, расширить установленный данным Указом перечень разрешенных видов деятельности на 20 и более позиций. Регионов, избравших «средний путь», сравнительно немного. Анализ показывает, что в экономически более развитых регионах введены относительно более строгие ограничения – то есть ограничения, установленные Указом №239, воспроизводятся практически полностью. В ряде случаев (Красноярский край, Тюменская область, Республика Саха) это оправдано тем, что основу экономики данных регионов составляют отрасли, деятельность которых изначально выведена из-под ограничений, согласно Указу №239: добывающая промышленность, металлургия.

Более критичен этот подход для регионов, значительно продвинувшихся по пути развития постиндустриальной экономики (Москва, Санкт-Петербург, Московская область), но у них и «задел» в виде достигнутого уровня социально-экономического развития выше.

В то же время регионы с относительно менее развитой экономикой разделились на две почти равные количественно группы. Одна из них (в основном это регионы юга Сибири и Дальнего Востока и большинство регионов Северного Кавказа) существенно ослабила режим ограничений экономической деятельности на своей территории по сравнению с Указом №239.

В другой же группе регионов с относительно менее развитой экономикой (на карте они отнесены к 3-му типу), несмотря на относительно низкий уровень экономического развития, список разрешенных видов экономической деятельности не был сколько-нибудь существенно расширен. Часть регионов этого типа формируют компактную зону, захватывающую Южное Поволжье (от Ульяновской области до Калмыкии) и отдельные регионы Северного Кавказа. Также к этой группе относится и ряд регионов в других федеральных округах: Кировская, Псковская, Смоленская, Курганская, Омская области, Республики Карелия, Тыва, Крым. Именно в регионах данной группы наиболее велики отмеченные выше экономические и социальные риски.

К 3-му типу примыкает 2-й тип, где столь же жесткие ограничения сопутствуют среднему уровню развития экономики. Регионы данного типа сконцентрированы в Европейской части страны, за исключением Томской области.

Регионы, в которых при относительно высоком уровне экономического развития степень жесткости наложенных ограничений была существенно ослаблена по сравнению с «федеральными ограничениями» (тип 4), как представляется, формируют лучшие предпосылки для поддержания экономической активности и более быстрого выхода из кризиса. В наибольшей степени это относится к Свердловской и Нижегородской областям, где доля «постиндустриальной экономики» относительно высока.

Ближайшие месяцы покажут, насколько адекватны были приняты регионами решения по ограничениям экономической деятельности. Но уже сегодня можно предположить, что решения, принятые руководством регионов, отнесенных «Институтом экономики города» к 3-му типу, то есть слаборазвитые с жесткими ограничительными мерами, несут в себе повышенные риски.

Чрезмерно жесткие ограничения на фоне относительно менее развитой экономики увеличивают риски, во-первых, затяжной рецессии после окончания пандемии, а во-вторых, социальной напряженности в период действия ограничительных мер, связанной с высоким уровнем безработицы, снижением и без того невысоких доходов в отсутствие накоплений у значительной части населения. Именно к этому типу относится Северная Осетия – Алания, недавние события в которой подтверждают наличие указанных рисков.

Константин Фрумкин

Алексей Ведев: Населению и бизнесу надо компенсировать 80% зарплат Апрель 20, 2020

Влияние пандемии коронавируса на российскую экономику может быть очень серьезным. При этом надо задуматься о расширении мер прямой поддержки бизнеса и населения, а также не бояться «печатать» деньги, так как инфляционные ожидания сегодня достаточно низки. О коронавирусе, Фонде национального благосостояния, конкретных способах поддержки «Инвест-Форсайт» побеседовал с Алексеем Ведевым, главой Центра структурных исследований РАНХиГС, замминистра экономического развития РФ в 2014—2017 гг.

– Как вы считаете, насколько серьезное влияние пандемия коронавируса может оказать на российскую экономику?

– Влияние на российскую экономику этого фактора может быть очень серьезным. Причем он работает в комплексе с двумя другими – падением цен на нефть и спадом мировой экономики, они переплелись. Я считаю, структурные изменения под воздействием «удалёнки» несколько преувеличены, но то, что многие разорятся и мы будем по-разному восстанавливаться, – это без сомнения. Но структурное воздействие на отечественную экономику однозначно будет. Я согласен, что этот кризис сопоставим по влиянию с Великой депрессией (мировой экономический кризис, начавшийся в октябре 1929 года с биржевого краха в США и продолжавшийся до 1939 года с наиболее острой фазой до 1933 года – ред.). Да, у нас этой депрессии не было, но сегодняшняя пандемия приведет к кризису, из которого мы все будем постепенно выходить.

– Насколько долго может продлиться это самое «постепенно»?

– Называются разные цифры, я не могу сказать точно, но думаю, что процесс выхода займет от одного до трех лет.

– Как вы относитесь к мерам поддержки населения в виде выдачи «прямых» денег, которые реализуются в мире? Возможно ли это сделать у нас? Нужно ли?

– Я изначально выступал за смену риторики – от «каникул» и кредитов к прямому финансированию. Поэтому я считаю, что да, обязательно нужна прямая поддержка. Сумма от 6 до 8 триллионов рублей обязательно должна быть направлена на прямое финансирование. Особенно в той части, которая касается населения и малого и среднего бизнеса.

– А о какой сумме, по вашему мнению, могла бы идти речь?

– Я абсолютно согласен с мнением многих экономистов, что для точности подсчета у нас есть Федеральная налоговая служба. И надо платить порядка 80% белой зарплаты. Надо, естественно, компенсировать издержки тем, кто платит налоги. Вся эта информация есть, надо обратить внимание, например, на март или, наверное, декабрь прошлого года, когда еще выплачивали премиальные, и компенсировать тем, кто платил налоги, индивидуальным предпринимателям и малому бизнесу – 80%. А не, конечно, 12 тысяч с чем-то рублей, как предлагается сейчас. Причем – только прямое финансирование, так как все остальное проблем не решает. Здесь риторика должна быть следующая: государство должно платить из Фонда национального благосостояния, например, либо от прямой эмиссии Центрального банка – затем, чтобы «минус» был меньше.

– Под «минусом» вы имеете в виду снижение темпов ВВП?

– Да, минус с точки зрения спада темпов роста экономики.

– Правительство чуть ли не в ежедневном режиме озвучивает меры по поддержке экономики и бизнеса. Как вы считаете, насколько они достаточны, правильны? Может быть, стоит задуматься о каких-то других дополнительных мерах?

– Я считаю, они абсолютно недостаточны. Выступление президента (15 апреля – ред.) было принципиально другим, когда риторика перешла на содержательную часть, касающуюся прямого финансирования, – это правильно. Но меры надо как-то расширять.

– А как расширять, в каком разрезе?

– Я думаю, именно в разрезе отраслей. Что же касается содержательности, то нужно переходить к прямым тратам денег. И, наверное, более существенным. Вспоминается, кстати, как это сейчас происходит в Европе, когда деньги малым предприятиям выдаются сразу на три месяца вперед – на зарплату. А не как у нас, когда с 18 мая будут выдаваться деньги за зарплату апреля.

– Какие выводы должны быть сделаны в макроэкономическом разрезе из этой пандемии?

– Прежде всего стоит признать, что эта пандемия, ее масштаб, оказалась достаточно неожиданной. На мой взгляд, правительство и государство оказались не готовы к ней с управленческой точки зрения. И, конечно же, с точки зрения государственного управления должны быть сделаны выводы – и предприняты шаги для большей его эффективности.

– В чем должна выразиться эффективность?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.